

Рецензент кандидат филологических наук Н. Н. Лопатникова

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ

В отличие от ряда пособий по стилистике, выпущенных нашими издательствами за последние два десятилетия, эта книга не преследует цель научить студента-филолога читать художественную литературу — в соответствии с действующим учебным планом факультетов иностранных языков эта задача возлагается на курсы интерпретации текста и обеспечивающие его пособия. Задача курса стилистики не сводится к тому, чтобы служить введением в курс интерпретации текста. Стилистика преследует свои собственные цели, главная из которых, по нашему убеждению, заключается в том, чтобы связать функционирование языка с социальными и психологическими детерминантами человеческой деятельности и общения, объяснить причины и смысл языковой и речевой вариативности.

Создателем этого направления в стилистике является Шарль Балли, который стремился «изучать язык в связи с повседневной жизнью человека, в связи с его поведением, его эмоциями, его отношением к окружающему миру»¹. В наше время нет нужды призывать лингвистов к сближению науки о языке с наукой о человеке и обществе — прагматика или прагмалингвистика стала такой же модой, какой в свое время был структурализм. Но для стилистики связь собственно языковых объектов и проблем с проблемами психологии, социологии и семиотики всегда была и остается в центре внимания. Лишенная социально-психологической опоры, лингвистическая стилистика превратилась бы в чисто констатирующую дисциплину, неспособную объяснить, почему и зачем в разных речевых ситуациях люди говорят и пишут по-разному. Стилль — содержательный аспект речи, и выражаемый им смысл нельзя описать, не пользуясь понятиями других «человеческих» дисциплин.

Потребность осмыслить явления языковой вариативности с позиций общей теории речевой деятельности ощущается особенно остро в сфере лингвистической подготовки будущих преподавателей иностранных языков, поскольку в своей работе преподаватель должен выступать не только как субъект, но и как организатор речевой деятельности.

Попытку описать в такой перспективе стилистические ресур-

Долинин К. А.

Д64 Стилистика французского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» — 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 1987. — 303 с.

В книге рассматриваются основные вопросы стилистики в соответствии с современным уровнем лингвистической науки, с учетом данных психолингвистики, дается краткое описание стилистических ресурсов современного французского языка.

Д $\frac{430900000-459}{103(03)-87}$ 49—87

ББК 81.2Фр

© Издательство «Просвещение», 1978
© Издательство «Просвещение», 1987, с изменениями

¹ Будагов Р. А. Шарль Балли и его работы по общему и французскому языкознанию // Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — С. 7.

сы современного французского языка и представляет собой эта книга. Именно поэтому читатель найдет в ней, наряду с более или менее традиционным лингвистическим материалом, целый ряд понятий из области семиотики, социальной психологии, психолингвистики и теории речевой коммуникации. Автор надеется, что они будут восприняты не как дань моде, а как неотъемлемая часть системы: вряд ли интересно и полезно описывать языковые формы в отрыве от функций, которые они выполняют в речевом общении; функции же эти, как уже было сказано, нельзя адекватно описать, не прибегая к нелингвистическим понятиям.

Конечно, широкое введение данных этих дисциплин привело к необходимости пожертвовать некоторой долей собственно лингвистического материала и, в частности, сократить количество примеров. Однако для будущего специалиста охватить систему в целом важнее, чем ознакомиться со всей массой конкретных фактов, в которой она реализуется. Кроме того, многие явления языковой вариативности, составляющей основной объект лингвистической стилистики, описываются в курсах теоретической фонетики и лексикологии; вообще, можно утверждать, что курс стилистики — это не столько новый, ранее неизвестный студентам материал, сколько новый угол зрения, под которым рассматриваются язык и речь.

Указанные принципы определяют и систему изложения, принятую в книге: автор стремился не преподносить читателю готовые результаты, а стимулировать совместный поиск истины. Мы руководствовались в этом не только чисто дидактическими соображениями, но и тем завоевывающим все больше и больше сторонников постулатом, согласно которому «определения понятий и терминов науки нашего времени «должны быть незамкнутыми и постепенными», в отличие от схоластической традиции, опирающейся на односложные и «окончательные дефиниции»¹.

Примеры, приводимые в книге, взяты из опубликованных французских текстов различных жанров. Кроме того, в главе VII широко использованы записи неподготовленной речи носителей языка, как заимствованные из лингвистической литературы, так и собранные автором и ранее не публиковавшиеся.

По сравнению с первым изданием в книгу внесены некоторые изменения. В частности, первая, общетеоретическая глава по существу написана заново (кроме нескольких последних ее параграфов); в связи с выходом в свет книги автора этого пособия «Интерпретация текста» существенно сокращен раздел, посвященный стилистике индивидуальной речи, в главе II; остальные главы подверглись лишь частичной редакционной правке.

¹ Будагов Р. А. Категории значения в разных направлениях современного языкознания // Вопр. языкознания. — 1974. — № 4. — С. 18. Р. А. Будагов цитирует А. Моля: Моля А. Социодинамика культуры. — М.: Прогресс, 1973. — С. 35—36.

Глава I

СТИЛИСТИКА И СТИЛЬ

§ 1. ЧТО ТАКОЕ СТИЛИСТИКА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Обычно систематическое изложение основ какой-либо научной дисциплины начинается с определения ее предмета, задач и методов. Мы не последуем этой традиции по той простой причине, что общепринятых определений предмета и задач лингвистической стилистики до сих пор не существует, — исследователи, принадлежащие к разным школам, толкуют ее по-разному.

Так начинался первый параграф первого издания этой книги, вышедшего в свет в 1978 году. Этими же словами приходится начать и нынешнее, второе издание. Конечно, за прошедшие годы кое-что изменилось: появились работы, которые если и не устранили разногласия в мнениях относительно предмета нашей дисциплины, то, во всяком случае, помогли осознать их причины¹. Но и сегодня дать краткое определение предмета стилистики, которое бы всех устроило, не представляется возможным.

По мнению одних авторитетных исследователей, стилистика имеет дело прежде всего с так называемыми *функциональными стилями* — разновидностями языка, или типами речи, приуроченными к определенным сферам общения (научный стиль, административный стиль, разговорный стиль, стиль художественной литературы и т. п.)². Другие, не менее авторитетные, считают, что предмет стилистики — это, в первую очередь, *особые языковые*

¹ См., в частности: Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М.: Наука, 1980; Скрбнев Ю. М. Очерк теории стилистики. — Горький: ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1975; Хованская З. И. Стилистика французского языка. — М.: Высш. школа, 1984; Одинцов В. В. Стилистика текста. — М.: Наука, 1980.

² Так, по определению М. Н. Кожиной, автора многочисленных работ по стилистике русского языка, основной предмет стилистики — это «закономерности употребления языка в разных сферах и ситуациях общения и своеобразная организация речи, специфичная для каждой сферы» (Кожина М. Н. Стилистика русского языка. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1983. — С. 19). См. также: Васильева А. Н. Функциональное направление в лингвистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного: Дис. докт. филол. наук. — М., 1981. — С. 16; Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. — М.: Высш. школа, 1982. — С. 10; Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — 2-е изд. — Л.: Просвещение, 1981. — С. 12.

средства, способные во взаимодействии с нейтральными языковыми средствами нести дополнительную эстетическую информацию»¹, т. е., проще говоря, *способы «украшения речи»*, характерные прежде всего для языка художественной литературы. С языком художественной литературы вообще или, чаще, с особенностями словесного стиля отдельных писателей связывается большей частью представление о стилистике в западной науке: «Цель стилистики,— пишет У. Хендрикс,— характеристика системности повторяющегося авторского выбора используемых языковых средств (которые автор использует не только в рамках одного текста)»². Кроме этих задач, на стилистику возлагают также (нередко в тех же работах) обязанность изучать «*вариационные потенции языка*»³, «*экспрессивные ресурсы различных языковых средств* (лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических, фонетических)»⁴, описывать те или иные *национальные нормы* как «изнутри», так и «извне», в сопоставлении с другими «национальными нормами»⁵, раскрывать «соотношения причины-следствия в области стиля»⁶ и т. д. и т. п.

В дальнейшем мы увидим, что все эти взгляды на стилистику не только в равной степени имеют право на существование, но даже не противоречат друг другу: действительно, лингвистическая стилистика может заниматься и тем, и другим, и третьим, и четвертым, и пятым. Однако, в первую очередь, надо попытаться, не вдаваясь в терминологические тонкости, выявить то общее, что лежит в основе самых различных толкований стилистики, тот круг явлений, который подведомствен стилистике и составляет ее *raison d'être*.

На первый взгляд, найти такой «общий знаменатель» не составляет труда: стилистика изучает (или должна изучать) *стиль* (стили). Но что такое «стиль»? Само слово, общее для большинства европейских языков, восходит, как известно, к латинскому *stylus* — *заостренная палочка для письма*; в дальнейшем, благодаря метонимическому переносу, оно стало означать *манеру*, или *технику, письма*, — предмет особой нормативной дисциплины риторики, т. е. искусства ораторской речи и вообще «хорошего слога».

Однако современное значение термина «стиль» значительно шире и неопределеннее. Об этом, в частности, свидетельствует обилие определений, которые он способен принять: стиль может быть

¹ Гальперин И. Р. Проблемы лингвистилистики // Новое в зарубежной лингвистике.— М.: Прогресс, 1980.— Вып. IX.— С. 5.

² Хендрикс У. Стиль и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике.— М.: Прогресс, 1980.— Вып. IX.— С. 178. См. также: Sumpf J. Introduction à la stylistique du français.— P.: Larousse, 1971; Guiraud P. Essais de stylistique.— P.: Klincksieck, 1969; Riffaterre M. Essais de stylistique structurale.— P.: Flammarion, 1971.

³ Скрбнев Ю. М. Цит. соч.— С. 12.

⁴ См.: Винокур Т. Г. Цит. соч.; Арнольд И. В. Цит. соч.

⁵ Степанов Ю. С. Французская стилистика.— М.: Высш. школа, 1965.

⁶ Михель Г. Основы теории стиля // Новое в зарубежной стилистике.— М.: Прогресс, 1980.— Вып. IX.— С. 274.

хороший, плохой, сдержанный, сухой, цветистый, протокольный, эмоциональный, торжественный, поэтический, старомодный, современный, претенциозный, высокий, низкий, реалистический, романтический, натуралистический, классический, ораторский, эпистолярный, административный, повествовательный, описательный и т. д. и т. п.; к этому далеко не полному списку¹ надо добавить *стиль Пушкина, стиль Флобера, стиль «Госпожи Бовари», стиль «Капитанской дочки»* и т. д. Кроме того, говорят о стилях в живописи, музыке, архитектуре, мебелировке, одежде, спорте, поведении... Привычным стало сочетание «стиль руководства», а в современной социологии используется даже такое понятие, как «стиль жизни».

Сохраняется ли во всех этих разнородных употреблениях какое-то постоянное ядро значения слова, его семантический инвариант? На наш взгляд, да. По этому поводу французский лингвист П. Гиро пишет: «Les dictionnaires nous proposent sous ce mot une vingtaine de définitions dont les principales vont de manière d'exprimer la pensée à manière de vivre en passant par manière particulière à un écrivain, à un artiste, à un art, à une technique, à un genre, à une époque, etc. A sa limite le style définit le caractère spécifique de l'action...»².

Действительно, о чем бы ни шла речь, слово «стиль» подразумевает «*специфический способ действия*», т. е. какие-то отличительные признаки, характеризующие человеческую деятельность и ее продукты,— то, *как* что-то сделано или делается: *как* написан текст, картина или симфония, *как* построено здание, *как* обставлена квартира, *как* кто-то говорит, одевается, осуществляет руководство, ведет себя, вообще живет³. При этом, как справедливо замечает Ю. М. Скрбнев, «стиль вообще имеет отношение к понятиям формы, способа, манеры, не затрагивая непосредственно содержательного аспекта»⁴. В самом деле, стиль — это, по крайней мере, на первый взгляд то, *как* говорят, а не то, *что* говорится, то, *как* построено здание, а не то, *для чего* оно построено, будет ли оно жилым домом, гостиницей или мэрией.

Здесь, однако, необходима одна методологическая оговорка. Рассуждения на тему о том, что есть стиль, вообще говоря, некорректны. Слово «стиль» не обозначает непосредственно наблюдаемый объект, процесс или свойство объекта реального

¹ Словарь Ройма дает 106 возможных определений к термину *style* (Reum A. Petit Dictionnaire de style.— Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1953.— P. 562-563).

² Guiraud P. La stylistique // Coll. *Que sais-je?* — P.; PUF, 1963.— P. 6.

³ Сходную идею высказывает чешский лингвист К. Гаузенблас, который определяет стиль в самом общем смысле этого слова как «определенный способ протекания целенаправленной деятельности, который предусматривает специфику и структуру этой деятельности». (Цит. по: Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий. // Стилистические исследования.— М.: Наука, 1972.— С. 9; ср.: Кожина М. Н. Цит. соч.— С. 44.)

⁴ Скрбнев Ю. М. Цит. соч.— С. 51.

мира — нечто такое, что существует вполне независимо от нас (как существуют, например, солнце, нефть, туберкулез или радиоактивность), и сущность чего может быть объективно установлена. Мы все согласны относительно того, что можно назвать нефтью или радиоактивностью; суть не в этом, а в том, чтобы определить существенные признаки этих понятий, природе соответствующих объектов или явлений, и здесь разные точки зрения в большей или меньшей степени приближаются к объективной истине, поэтому спор между ними возможен и в принципе плодотворен.

Стиль (равно как и «предложение», «предикативность» или «любовь») — понятие иного рода; это, как говорят, *конструкт*. Объем такого понятия не устанавливается «сам собой», поскольку стиль не является чем-то существующим независимо от нас, — мы сами вычленим из мира наблюдаемых объектов и процессов какие-то явления, которые именуем стилем, причем разные люди нередко делают это на разных основаниях. Поэтому в настоящее время спор о том, что есть стиль, бесплоден: он есть то, что мы договоримся так называть. Можно лишь задаться вопросом, что называет стилем большинство людей (необязательно ученых), как мы это сделали выше. И совершенно необходимо, чтобы каждый, кто пишет о стиле, четко определял, что он понимает под этим словом. Не *что* есть стиль вообще — это никому доподлинно не известно, а *какой* смысл он вкладывает в это понятие. Именно это мы и попытаемся сделать в следующих параграфах, стараясь, чтобы наше определение стиля соответствовало повседневному употреблению этого слова, и вполне отдавая себе отчет, что предлагаемое толкование есть лишь одно из возможных.

§ 2. СТИЛЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫБОРА СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ

Вернемся к нашему рассуждению о значении слова «стиль». Мы установили, что стиль в самом общем смысле слова — это способ, или манера, действия. Но рассуждать о манере, о том, как что-то сделано или делается, имеет смысл только в том случае, когда это «что-то» можно сделать (построить, написать, сказать и т. п.) так или иначе, и субъект действия выбирает какой-то *один путь, один определенный способ* действия, характерный для него или для всех в каком-то отношении ему подобных.

Но — и это очень важно! — сам субъект необязательно осознает, что стоит перед выбором: тот способ действия, к которому он прибегает, может казаться ему единственно возможным. Представим себе средневекового каменщика, который никогда не строил иных церквей, кроме готических, и которому даже в голову не приходило, что церковь может быть иной. Для него, надо думать, понятие готического стиля просто не существовало (сам термин появился, как известно, лишь в XV ве-

ке), хотя он всю жизнь строил именно готические церкви, — стиль не воспринимался им как таковой. Так же, вероятно, обстояло дело с его современником, сапожником или кузнецом, который никогда не видел иных церквей. Но для нас, знакомых хотя бы по фотографиям с романскими, византийскими, классическими и прочими церквями, готический стиль — несомненная реальность. Глядя на готическую церковь, мы четко ощущаем ее стилевое своеобразие, поскольку знаем, что в принципе, чисто теоретически, она могла бы быть построена иначе — в романском или, скажем, византийском стиле.

Итак, стиль возникает там и только там, где какая-то деятельность может осуществляться *разными путями* и субъект деятельности *может и должен выбрать один из них*, даже если он и не осознает, что стоит перед выбором. Это необходимое (но недостаточное) условие возникновения стиля.

В связи со всем сказанным выше возникает еще одна проблема: надо ли рассматривать стиль как свойство *конкретного и единичного* деятельностного акта и его продукта (текста, здания, картины и т. п.) или же как общее свойство *множества* однородных проявлений человеческой деятельности — множества текстов, зданий, картин, объединенных по тому или иному принципу? Судя по примерам сочетаний со словом «стиль», приведенным в предыдущем параграфе, это понятие поддается и тому и другому толкованию. Такие сочетания, как «стиль «Госпожи Бовари» или «стиль «Капитанской дочки», означают определенное свойство конкретного текста; «стиль Пушкина» или «стиль Флобера» характеризуют уже множество текстов, объединенных личностью автора и необязательно сходных друг с другом. «Реалистический стиль», «романтический стиль», «классический стиль», «административный стиль», как и «готический стиль», которым мы оперировали уже в этом параграфе, также отсылают в первую очередь к множеству деятельностных актов, но это множество складывается на основе не тождества субъекта, как в предыдущем случае, а объективного сходства самих проявлений деятельности¹: готический стиль — это прежде всего то общее (определенная конструкция и определенные пропорции частей здания), что характеризует тысячи и тысячи памятников архитектуры, построенных в разных странах разными зодчими.

¹ Р. Харвег говорит по этому поводу о двух «вариантах понятия стиля», один из которых определяется типологически, а второй — топологически: «Типологически определенный означает определенный на основе признаков, а топологически определенный — определенный на основе мест, в которых встречается тот или иной стиль, т. е. таких мест реализации, как одно или все произведения какого-либо автора, как тот или иной публицистический орган, литературный жанр или литературная эпоха» (Харвег Р. *Стилистика и грамматика текста* // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1980. — Вып. IX. — С. 213). С этой точки зрения топологически определенными будут сочетания «Стиль «Госпожи Бовари» и стиль Флобера, а типологически определенными — «готический стиль», «романтический стиль» и др., хотя вопрос этот не поддается строго однозначному решению. Мы к нему еще вернемся в главе II.

Но непримиримого противоречия между тем и другим толкованием стиля на самом деле нет. Ведь общее реально существует только в своих частных проявлениях: о готическом стиле как общей характеристике определенной эпохи и определенного направления в европейской архитектуре мы можем говорить лишь постольку, поскольку существует множество зданий, каждое из которых обладает — пусть не в полной мере — набором признаков, благодаря которым его можно назвать готическим. Стиль как особая характеристика конкретного проявления человеческой деятельности (текста, здания, картины...) осознается прежде всего постольку, поскольку он предстает как типичный для некоего множества аналогичных проявлений, т. е. когда воплощенный в тексте, здании, симфонии и т. п. выбор способа действия воспринимается как характерный для кого-то одного (Флобера, Пьера де Монтеро, Мусоргского) или какой-то группы (писатели-реалисты, строители готических соборов, русские композиторы конца XIX века), какой-то эпохи, каких-то типовых обстоятельств деятельности и т. д. Иначе говоря, стиль отдельного проявления какой-то деятельности воспринимается прежде всего в своей соотнесенности с тем или иным *общим* стилем, существующим в этой сфере.

Таким образом, о готическом стиле можно говорить и применительно к отдельному зданию («готический собор», «здание в готическом стиле»), и применительно к целому направлению в европейской архитектуре¹ — одно не противоречит другому и, более того, в известной степени предполагает другое. Но исходным понятием для нас будет *стиль отдельного проявления человеческой деятельности* (текста, здания, картины, симфонии, шахматной партии и т. п.) как особое свойство этого проявления, возникающее в результате выбора пути или способа осуществления соответствующей деятельности. Это решение объясняется тем, что «общий» стиль не может существовать без конкретных его реализаций, тогда как стиль отдельного проявления человеческой деятельности, в частности текста, не строго обязательно предполагает соответствующий «общий» стиль: «стиль «Госпожи Бовари» никак не сводится к «стилю французского реалистического романа».

§ 3. ЗНАЧИМОСТЬ СТИЛЯ

То, что стиль важен для самого субъекта деятельности (если, конечно, он осознается как таковой), — это понятно: ведь он

¹ Ср.: «Если можно говорить о «стиле реализма», о «стиле романтизма», так же как о «стиле такого-то писателя-реалиста», о «стиле такого-то писателя-романтика», хотя особенности стиля этих писателей не полностью соответствуют нашему представлению о реализме или романтизме, то это, по-видимому, потому, что понятия «реализм», «романтизм» являются абстракцией, основанной на реальных текстах, демонстрируемой этими текстами, но, конечно, не сводимой к какому-либо из них» (Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М.: Наука, 1977. — С. 44).

непосредственно связан с выбором пути, ведущего к поставленной цели. Но почему он интересен для других? А о том, что он нам интересен, свидетельствует тот факт, что мы так часто о нем говорим. Это, казалось бы, тем более странно, что стиль, как уже упоминалось, не относится непосредственно к содержанию деятельности — так ли уж важно для других, как эта деятельность совершается?

Ответить на этот вопрос можно следующим образом: хотя стиль не есть содержание деятельности, он тем не менее сам представляет собой *содержательную* ее характеристику. Стиль — значимое явление, он несет определенную информацию; эта информация и делает его потенциально интересным для всех, кто непосредственно соприкасается с деятельностью субъекта и/или ее продуктами.

Возьмем опять готическую церковь. Человеку, мало-мальски знакомому с историей культуры (и историей вообще), она предстает как необычно емкий и выразительный знак определенной эпохи, определенной культуры, определенного образа мыслей. За ней — средневековый город, узкие улицы... Впрочем, лучше не фантазировать, а хотя бы полистать «Собор Парижской богородицы» — в сущности все содержание этого романа выражает в словесной форме картину, которую вызвал в воображении Гюго стиль знаменитого памятника архитектуры. А теперь представим себе типичную средневековую русскую церковь, например Спаса на Нередице в Новгороде или Покрова на Нерли во Владимирской области. Не правда ли, ассоциации здесь уже совершенно иные?...

Можно сказать: средневековая церковь — это произведение искусства, поэтому она и будит воображение. Но ведь и стандартные пятиэтажки пятидесятых годов вызывают определенные ассоциации, наглядно свидетельствуют об эпохе, когда они строились.

Рассмотрим еще один пример, взятый из совсем иной сферы человеческой деятельности. В современной культуре европейского типа каждый человек, перед тем как выйти из дома, решает, что он наденет на себя, поскольку, если ему не присвоена форменная одежда, он обладает достаточно большой свободой выбора в этой области. И, осуществляя этот выбор, человек утверждает свою приверженность некоторому более или менее четко определенному и осознанному общему стилю одежды — «официальному», «молодежному», «старомодному», «современному» и т. п.

Этот стиль складывается не из тождественных, конечно, но сходных актов выбора, за которыми стоит некоторая социально-психологическая общность, определенный тип поведения, определенное ощущение своего места в обществе, присущее всем «носителям» данного стиля. Одежда становится социальным знаком: одеваясь определенным образом, человек как бы заявляет во всеуслышание: «Я — интеллигент старой школы», «Я —

модный юноша», «Я — модная девушка», «Я — серьезная женщина» и т. п.¹. И каждый, знающий этот «язык», т. е. обладающий достаточным социальным опытом, без труда расшифровывает подобные знаки, хотя далеко не всегда формулирует их смысл словами. Наряду с возрастными и половыми признаками, они помогают нам *моделировать собеседника*, когда мы заранее ничего не знаем о нем, т. е. дают возможность представить, чего от него можно ждать, и соответствующим образом строить свое поведение.

Конечно, та информация о человеке, которую несет его одежда, воспринимается нами не сама по себе, не изолированно, а в контексте общего «стиля поведения», который, помимо одежды, включает в себя и другие компоненты, другие проявления личности: чисто внешние и переменные — такие, как причёска, косметика у женщин (или отсутствие ее), украшения и т. п., и более постоянные: речь, походка, вообще «манеры». Кроме того, одежда тоже складывается из целого ряда актов выбора: такая-то юбка, такая-то блузка, такие-то туфли, такая-то сумка. Все эти компоненты в совокупности порождают определенное впечатление, наталкивают на определенные выводы относительно субъекта.

Заметим, что та информация, которую несет о субъекте стиль, с большим трудом и лишь очень приблизительно поддается словесной формулировке: это скорее *общее впечатление*, чем сознательно воспринимаемая характеристика. Видимо, относительно стиля можно утверждать, что он воспринимается на «неявном уровне психики», принадлежит к «неявной культуре»².

Рассмотрим еще один пример, на сей раз продукт речевой деятельности — высказывание:

— *Lieutenant Soubeyrac, votre présence ici est inutile. Rentrez dans votre chambre et considérez-vous comme aux arrêts jusqu'à nouvel ordre (A. Lanoux).*

Очевидно, что перед нами приказ, отдаваемый командиром подчиненному. Когда, в какую эпоху происходит дело, — об этом данное высказывание прямых сведений не несет: похоже, что в наше время, но возможно, что и в прошлом веке³. Какой характер у командира, каково его происхождение, молодой он или старый — об этом по его речи судить опять-таки нельзя. В данном случае

¹ В еще большей степени обладает знаковой функцией традиционный народный костюм (по крайней мере, в некоторых культурах): «Народный костюм является одновременно вещью и знаком, точнее говоря, носителем знаковой структуры. Костюм указывает на принадлежность к определенному слою, на национальность, вероисповедание, экономическое положение его владельца, возраст владельца и т. п.» (Богатырев П. Г. Знаки в театральном искусстве // Труды по знаковым системам: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. — Тарту, 1975. — Вып. VII. — С. 7).

² Степанов Ю. С. Семиотика. — М.: Наука, 1971. — С. 83, 94.

³ Действие романа А. Лану «Майор Ватрен», из которого заимствован пример, происходит во время второй мировой войны, но об этом мы узнаем из более широкого контекста.

стиль вполне определенно сообщает о субъекте одно: социальную роль, которую тот играет в процессе деятельности и общения¹, — тот факт, что он командир и обращается к подчиненному, причем вполне официально (в дальнейшем мы увидим, что стиль речи может сообщать и иные сведения о говорящем или пишущем).

Но в любом случае, какую бы информацию о субъекте ни несет стиль, возникает вопрос: откуда она берется? Каким образом готическая церковь говорит нам об эпохе, которой принадлежит ее строитель и она сама, костюм и украшения, надетые на девушке, дают представление о социальной группе, точнее, о социально-психологическом и поведенческом типе, к которому ее следует отнести, а речь субъекта позволяет судить о социальной роли, которую он играет?

Ответ однозначен: как во всех знаковых ситуациях, восприятие стилистической информации получателем обеспечивается тем, что последний заранее знает «знаковую функцию», т. е. *типовое соотношение между означающим и означаемым*. Получателю заранее известно, что образ действия, избранный субъектом, в общем характерен для какого-то множества X, куда могут входить люди определенной эпохи, определенной культуры, члены определенной социальной или территориальной группы, носители определенной социальной роли, писатели или художники определенного направления, люди, находящиеся в определенном психическом состоянии, и т. д. и т. п. Из этого делается вывод, что субъект, по всей вероятности, сам принадлежит множеству X и, следовательно, ему присущи и другие свойства членов этого множества, которые в данном акте или «тексте» поведения непосредственно не проявляются.

На том же механизме основано в конечном счете и восприятие индивидуальных стилей, прямо не соотносящихся с общими («стиль «Госпожи Бовари», «стиль «Капитанской дочки» и т. п.): ведь индивидуальный стиль создается не столько введением новых элементов, сколько более или менее оригинальной комбинацией и варьированием уже известных, соотносящихся с определенными множествами.

Подводя итог сказанному в первых трех параграфах, можно попытаться сформулировать рабочее определение стиля как общесемиотического понятия, не забывая, естественно, о той оговорке, которая была сделана в § 1, т. е. отнюдь не претендуя на «истину в последней инстанции». *Стиль — это особое символически значимое свойство человеческой деятельности и ее продуктов, возникающее в результате выбора субъектом определенного, чаще всего общественно осознанного способа деятельности и несущее информацию о субъекте деятельности — о его принадлежности к той или иной эпохе, культуре, социальной группе, о социальной роли, в которой он выступает, и т. п.*

¹ На понятии социальной роли мы подробнее остановимся ниже, в § 11.

Определенный таким образом стиль деятельности оказывается близок к понятию *социального символизма*, используемому в социологии и социальной психологии. Социальный символизм определяется как «культурный механизм, основанный на использовании символических форм поведения в целях регуляции социальных отношений. Акты такого поведения выступают как социальные символы, выражающие и опосредствующие общественные отношения людей»¹. Эти «символические формы поведения» могут выступать в виде чисто ритуальных действий, но чаще это инструментальные действия (т. е. действия, имеющие определенный практический смысл), приобретшие символическое значение, — ритуализованные инструментальные действия. «Символические действия в большинстве своем не отделены от инструментального поведения. Противопоставлению в этой связи подлежат не столько символические и инструментальные действия как таковые, сколько символический и инструментальный аспекты единого акта поведения»².

По-видимому, приобретать символическое значение и тем самым породить стиль могут как различные способы совершения одних и тех же действий, так и сами действия, рассматриваемые в рамках определенной деятельности как варианты последней. Так, например, если проведение досуга рассматривать как деятельность, то чтение книг, спорт, художественная самодеятельность, рыбная ловля, танцы и т. п. суть различные варианты осуществления этой деятельности, и выбор любого из них имеет определенное, хотя и достаточно широкое, символическое значение. Жизнь в целом можно рассматривать как своего рода деятельностный или поведенческий комплекс — жить можно по-разному, и не случайно в современной социологии, занимающейся проблемами социального символизма, видное место занимает понятие «стиль жизни», под которым понимается «конкретная система ритуальных предписаний, господствующая в данной социальной среде, символические модели поведения («стили») во всех сферах жизнедеятельности людей: в потреблении, в отношении к искусству, политике, религии, к общественным организациям и т. п. «Стиль жизни» устанавливает общепринятые способы, посредством которых личность может (и должна) демонстрировать свою респектабельность, свое принятие тех социальных отношений, в рамках которых она действует. В частности, художественные стили и эстетические выборы, осуществляемые людьми, легко включаются в систему социального символизма и, помимо своего прямого инструментального назначения, выполняют здесь широкий набор ритуальных функций»³.

В § 1—3 мы рассмотрели различные употребления слова «стиль» и стоящие за ними явления главным образом на неречевом материале. На этой основе мы определили стиль в самом общем смысле этого термина как символически значимое свойство человеческой деятельности и ее продуктов, несущее информацию о субъекте деятельности.

Но в какой мере это определение приложимо к человеческой речи? И в первую очередь: можно ли рассматривать речь — всякую речь! — как деятельность? Если да, то в чем ее специфика и каковы общие условия ее протекания? Ясно ведь, что специфика есть, и мы не можем ее не учитывать. Для того чтобы ответить на эти вопросы и в конечном счете охарактеризовать стиль как символически значимое свойство уже не деятельности вообще, а именно речевого общения, нам придется на время отвлечься от собственно стилистической проблематики и заняться некоторыми вопросами теории языка и речи, которым не всегда уделяется достаточно внимания в курсе общего языкознания¹.

Итак, является ли деятельностью речь? Ясно, что по поводу «Евгения Онегина» или «Госпожи Бовари» сомнений не возникает, — эти тексты суть продукты литературной деятельности. А диалог с продавщицей в магазине или болтовня с подружкой во время несостоявшейся лекции?

Как это ни покажется странным, ответ на поставленный вопрос и в этом случае должен быть утвердительным, хотя и не без оговорок. В принципе всякую речь (за исключением, может быть, иноязычной речи на уроках соответствующего языка) следует рассматривать как *специфическую разновидность деятельности, обслуживающую деятельность более высокого порядка*². В переводе на общедоступный язык это значит, что речь, как правило, не является самоцелью — в естественных условиях общения мы говорим и пишем не ради самих процессов говорения и письма и не ради «отражения действительности» как такового, а ради достижения каких-то существенных для нас результатов (хотя цель, к которой мы стремимся, может при этом и не осознаваться). С этой точки зрения, например, «задушевный разговор» с подружкой есть средство установить или поддержать эмоциональную близость, добиться понимания и сочувствия и тем самым утвердить свой образ мыслей и поведения, в конечном счете — собственный «я — образ». Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что эта цель неважна! Видимо, нет нужды приводить примеры таких типов речи, которые направлены на достижение каких-то явных практических результатов — планирования или

¹ Басин Е. А., Краснов В. М. Социальный символизм // Вопросы философии. — 1971. — № 10. — С. 164.

² Там же. — С. 166.

³ Басин Е. А., Краснов В. М. Цит. соч. — С. 166—167.

¹ Эти вопросы достаточно подробно рассматриваются — хотя и под иным углом зрения — в книге: Долинин К. А. Интерпретация текста. — М.: Просвещение, 1985. Однако, поскольку курс стилистики предшествует курсу интерпретации текста, мы воспроизводим здесь соответствующий раздел в несколько измененной редакции.

² См.: Основы теории речевой деятельности. — М.: Наука, 1974. — С. 25.

координации определенных действий: читателю достаточно понаблюдать за собственной речью и речью окружающих в течение хотя бы пятнадцати минут.

Деятельность обычно складывается из иерархически упорядоченных действий, реализующих промежуточные цели, подчиненные основной. Из сказанного выше следует, что любой относительно самостоятельный речевой акт, любое речевое сообщение представляет собой действие, характеризующееся, как и всякое действие, *собственной целью*, хотя и подчиненной общей цели деятельности, которую обслуживает речь¹. Это можно представить себе так: допустим, я прошу кого-то, кто едет в Москву, передать рукопись статьи моему знакомому, живущему в этом городе; собственная цель моего речевого акта — побудить собеседника совершить требуемое действие, но она подчинена иной, более высокой и уже неречевой цели — сделать так, чтобы мой московский знакомый в кратчайший срок получил рукопись, что, в свою очередь, мне нужно для того, чтобы он написал на нее отзыв (ясно, что договоренность об отзыве также была достигнута некоторой совокупностью речевых действий). А отзыв мне нужен для того, чтобы послать рукопись в журнал, чтобы ее напечатали, чтобы... и т. д. и т. п. Так выстраивается достаточно сложная иерархия действий, речевых и неречевых (включая и такое сложное речевое действие, как написание текста статьи), которые все так или иначе вписываются в то, что именуется научной деятельностью преподавателя вуза.

Наши примеры приводят еще к одному выводу: речевое действие в типовом случае направлено на *партнера по общению* — слушающего или читающего: «Мы хотим, чтобы в результате понимания нашего сообщения... слушающий был побужден либо к изменению своих представлений об окружающем мире (информация), либо к осуществлению в этом мире нужных нам изменений (просьба или приказание), либо к ожиданию каких-то событий или действий в будущем (обещание, предупреждение)»². Таким образом, в речи, в отличие от прочих, не специфически коммуникативных сфер деятельности, человек, воспринимающий продукт деятельности и ту информацию, которую несет стиль, непосредственно включен в структуру действия как его объект.

§ 5. СОДЕРЖАНИЕ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ

Итак, любое или почти любое речевое сообщение является действием, направленным на адресата. Как, посредством чего это действие реализуется? Ответ очевиден: мы воздействуем на адресата речи, слушающего или читающего, сообщая ему некоторую *информацию о мире и о себе*. Иначе говоря, действие, совер-

¹ См.: Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. — С. 26.

² Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. VIII. — С. 293.

шаемое высказыванием, опосредовано содержанием, которое воплощено в значениях языковых единиц, составляющих данное сообщение.

Что же означает речевое сообщение? Обычно, отвечая на этот вопрос, говорят, что каждое отдельное высказывание описывает некую внешнюю по отношению к нему ситуацию (событие, факт, положение дел). Впредь мы будем именовать ее *референтной ситуацией*¹, а совокупность референтных ситуаций и объектов, отраженных в развернутом сообщении, состоящем из множества высказываний, будем называть *референтным пространством*.

Референтная ситуация необязательно представляет собой некий конкретный, локализованный во времени и пространстве факт — такой, например, какой описывается в высказывании *Quand la caissière lui eut rendu la monnaie de sa pièce de cent sous, Georges Duroy sortit du restaurant (Maupassant)*. Она может быть и *абстрактной, идеальной*, обобщающей более или менее обширный класс конкретных ситуаций, например: *On n'est jamais si heureux ni si malheureux qu'on s' imagine (La Rochefoucauld)*. Референтная ситуация может быть также требуемой, желаемой, гипотетической; такие ситуации стоят, в частности, за побудительными и вопросительными предложениями. Наконец, референтная ситуация — как конкретная, так и абстрактная — может быть фиктивной, вымышленной, целиком или частично, например: «Тут черт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аде все хвостатое племя» (*Гоголь*).

Высказывание не называет референтную ситуацию, как слово называет объект, как бы наклеивая на него этикетку — имя соответствующего класса объектов; оно именно *описывает* ситуацию, анализируя ее структуру, вычленяя и квалифицируя участников ситуации и отношения, которые их связывают. Участникам (предметным элементам) референтной ситуации в структуре высказывания соответствуют его именные компоненты (в нашем первом примере — *Georges Duroy, la caissière, la monnaie, sa pièce de cent sous, le restaurant*), а отношения между элементами ситуации выражаются чаще всего с помощью глаголов или производных от глаголов слов, а также предлогов (в том же примере *eut rendu, de, sortit*).

Важно понять, что описание референтной ситуации представляет собой не пассивное отражение действительности, а *активный познавательно-информативный процесс*, далеко не всегда протекающий гладко и безболезненно, — мы по собственному опыту знаем, как иногда бывает трудно точно сформулировать собственную мысль. Очень существенно также, что говорящий или пишущий не механически фиксирует то, что воспринимают его органы чувств, а *выбирает* те референтные ситуации, описание которых соответствует цели, которую он преследует («У кого

¹ Напомним, что референтом в языкознании и в семиотике именуется объект реального мира, к которому отсылает знак.

что болит, тот про то и говорит»), и выделяет в них то, что ему важно и интересно, т. е. опять-таки соответствует задачам, которые он решает с помощью речи. К этому вопросу нам еще придется вернуться.

Тот аспект содержания высказывания (текста), который описывает референтную ситуацию (референтное пространство), мы будем называть *номинативным* аспектом или *номинативным содержанием*.

Помимо описания референтной ситуации (референтного пространства), каждое сообщение содержит еще один пласт информации, соотносимый не с описываемым положением вещей, а с самим процессом речевой коммуникации, — *коммуникативный аспект* или *коммуникативное содержание*. Коммуникативное содержание включает ряд частных аспектов, главными из которых являются, на наш взгляд, *целенаправленность*, *модальность* и *информативность (актуальное членение)*. Нам нет нужды специально рассматривать здесь названные (и неназванные) аспекты коммуникативного содержания, тем более что эта тема подробно раскрыта в книге В. Г. Гака «Теоретическая грамматика французского языка», а также — с несколько иной точки зрения — в нашей книге «Интерпретация текста»¹. Для того чтобы сделать вполне понятным дальнейшее рассуждение, здесь надо сказать лишь несколько слов о целенаправленности высказывания.

Целенаправленность, или коммуникативная целеустановка, очень важный аспект содержания высказывания. Она непосредственно связывает номинативное содержание с той деятельностью, которую обслуживает речь, характеризуя реализующийся в высказывании речевой акт как действие, направленное на адресата. Существуют три основных типа целенаправленности: *повествовательность*, *вопросительность* и *побудительность*. Внутри первого и третьего типов обычно различают ряд подтипов, выделяемых по характеру речевого действия: *предупреждение*, *напоминание*, *жалоба*, *обещание*, *просьба*, *приказ*, *требование*, *совет* и т. д. Характер речевого действия, совершаемого высказыванием, называют *иллокутивной силой* или *иллокутивной функцией высказывания*².

В повседневной речевой практике характер речевого действия чаще всего выражается грамматически и интонационно: любое высказывание оформляется либо как повествовательное, либо как вопросительное, либо как побудительное предложение. Более определенно установить иллокутивную функцию высказывания в таких случаях возможно лишь по его номинативному содержанию и

деятельностной ситуации, в которой происходит общение. Так, фраза *Je reviendrais* может быть и обещанием, и предупреждением, и угрозой, и напоминанием — то или иное истолкование ее будет определяться конкретными параметрами ситуации: мы воспримем ее как обещание, если будущий приход адресанта желателен для адресата, как угрозу, если он сулит ему опасность, и т. д.

Однако нередко целенаправленность высказывания получает вполне эксплицитное лексическое выражение:

— *Je t'ordonne d'aller tout de suite chercher un livre de beurre au moulin (J. Renard).*

— *Gendarme, je vous promets que vous aurez de mes nouvelles bientôt, de bonnes nouvelles! (M. Aymé).*

Такое употребление глаголов, прямо называющих речевое действие, совершаемое в данный момент адресантом, дает так называемые *перформативные высказывания*. Перформативные высказывания характеризуются в плане выражения тем, что содержат глагол, называющий речевой акт (*сообщать*, *обещать*, *спрашивать*, *приказывать*, *требовать* и т. п.), в настоящем времени и, как правило, в первом лице, а в плане содержания — тем, что являются своими собственными референтами. Так, референтная ситуация высказывания *Je vous demande votre profession* заключается именно в том, что адресант спрашивает у адресата его профессию.

§ 6. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

Любое речевое сообщение, от вопроса «Вы на следующей выходите?» до многотомного романа, является продуктом *речевого акта*, состоящего в том, что кто-то кому-то что-то сообщает. Как любое действие, речевой акт совершается в определенной ситуации, которая в значительной мере определяет его протекание.

По поводу любого высказывания, любого текста мы всегда можем спросить: кто именно, кому, где, когда, в каких конкретных обстоятельствах и каким конкретно способом адресует данное сообщение? Ответы на эти вопросы и составляют основные параметры, или характеристики, *коммуникативной (речевой) ситуации*, т. е. ситуации, в которой совершается речевой акт. Рассмотрим их подробнее.

Очевидно, что важнейшими параметрами коммуникативной ситуации являются партнеры по общению: *адресант* (отправитель, субъект речи) и *адресат* (получатель). Действительно, любая речь, реализованная в любой форме, всегда обращена к кому-нибудь, т. е. всегда предполагает наличие адресата. Этот адресат может быть отделен от адресанта в пространстве и (или) во времени (например, «потомки»); он может быть неопределенным, обобщенным, множественным («публика», «читатели») или воображаемым, реально не существующим (например, бог); но психо-

¹ См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис.— М.: Высш. школа, 1986.— С. 56—59 и 101—139; Долинин К. А. Цит. соч.— С. 27—35.

² Об иллокутивной функции высказывания см.: Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике.— М.: Прогресс, 1986.— Вып. XVII.

логически, в воображении адресанта, он всегда так или иначе присутствует¹.

Очевидно, что партнеры по общению могут поочередно занимать позиции адресанта и адресата. В этом случае мы имеем диалог или полилог (разговор, в котором участвует более двух человек). Если же позиции адресанта и адресата закреплены за партнерами на все время общения — один все время говорит или пишет, а другие только слушают или читают, — то такое общение называется монологическим. При монологическом общении позиция адресата, как правило, занята не одним человеком, а каким-то множеством людей (аудитория, читатели, слушатели).

Участники общения всегда выступают в глазах друг друга (и в своих собственных глазах) как носители некоторых социально значимых свойств — как обладатели определенных *статусов* — социальных, половых, возрастных, образовательных и др. (мальчик, пенсионер, молодая женщина, интеллигент, военный и т. д.), исполнители соотнесенных друг с другом *ролей*, социальных и психологических (учитель и ученик, отец и сын, писатель и читатель, врач и больной, обиженный и обидчик, коллеги по работе, влюбленные и т. п.), а также как носители определенных *личностных качеств* и субъекты той или иной *деятельности*, т. е. как люди, преследующие своей речью те или иные цели.

Совокупность всех этих свойств или аспектов личности участника общения в том виде, в каком она отражается в сознании партнера, мы назовем *образом участника общения*. Образ — это целостная субъективная модель личности партнера, индивидуального или коллективного, конкретного или обобщенного, реально-го или воображаемого. Адресант имеет в голове образ адресата и пытается предвосхитить его реакцию на сообщение, а адресат строит образ адресанта. Кроме того, каждый рисует себе свой собственный образ — свое представление о том, как он должен выглядеть в глазах партнера².

Кроме неперемных участников коммуникативной ситуации — адресанта и адресата, существует еще один, факультативный — тот (или те), кому речь непосредственно не адресована, но кто в силу каких-то обстоятельств воспринимает и истолковывает ее (естественно, со своей точки зрения, исходя из своих интересов). Мы назовем его *наблюдателем*. Наблюдатель может открыто присутствовать при общении, если последнее совершается в условиях непосредственного контакта между партнерами; в этом случае он в известной мере влияет на ход общения, поскольку коммуниканты учитывают его присутствие. Он может быть и скры-

тым, в частности отделенным во времени и (или) в пространстве, от коммуникативной ситуации — например, исследователь, читающий письма знаменитого художника, или следователь, изучающий документы, приобщенные к делу. Скрытым наблюдателем формально, по условиям жанра, является и публика, присутствующая на спектакле, читатель, читающий диалог героев романа, телезритель, который смотрит телевизионное интервью, и т. п., хотя по существу именно они являются адресатами сообщений особого рода.

Коммуникативная ситуация включает в себя также *канал связи*. Этот канал может быть прежде всего *акустическим* (при устном общении) или *визуальным* (при письменном общении). Кроме того, он характеризуется наличием или отсутствием непосредственного контакта между партнерами, наличием или отсутствием визуальной связи, а также использованием тех или иных специальных средств передачи сообщения и общей организацией этого процесса.

В принципе коммуникативную ситуацию нельзя смешивать с референтной — это разные понятия. Однако в определенных случаях коммуникативная ситуация и референтная ситуация частично или полностью накладываются друг на друга. Это происходит тогда, когда в сообщении говорится о самих коммуникантах, адресанте и адресате, именно как об участниках данного речевого акта или об условиях общения (канале связи): «Ты меня слышишь? Говори громче, плохо слышно!» «Да послушайте же, это я для вас говорю!» «Je vous parle en ami». Даже сам коммуникативный акт, т. е. процесс передачи сообщения, может быть референтной ситуацией этого сообщения. Это имеет место в перформативных высказываниях, о которых мы говорили в предыдущем параграфе, когда адресант прямо называет то речевое действие, которое он производит своим высказыванием.

Как уже говорилось, речь всегда является частью какой-то более широкой деятельности, преследующей определенную цель, и сама преследует те или иные цели, подчиненные основной. Поэтому коммуникативную ситуацию следует рассматривать как составную часть *деятельностной ситуации*. Деятельностная ситуация вообще — это, выражаясь фигурально, сюжет: то, что происходит с партнерами по общению, то, что их волнует и толкает на определенные поступки и слова, призванные изменить ситуацию в желаемом направлении или, наоборот, сохранить существующее положение вещей. Из этого следует, что деятельностная ситуация определяет выбор референтной ситуации и — шире — референтного пространства. Это прямо вытекает из тезиса о речи как специфической разновидности деятельности, обслуживающей деятельность более высокого порядка (см. выше, § 5): ясно, что человек говорит или пишет в первую очередь о том, что его занимает, и пытается добиться своей речью каких-то результатов в той сфере, в которой разворачивается его деятельность.

¹ В некоторых коммуникативных ситуациях (человек пишет дневник или разговаривает сам с собой) в качестве адресата выступает сам адресант, но и тогда адресант и адресат не тождественны, потому что человек, выступающий в роли адресата собственной речи, всегда как бы раздваивается.

² См. об этом: Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1974. — С. 187 и сл., а также: Maingueneau D. Initiation aux méthodes de l'analyse du discours: Problèmes et perspectives. — P.: Hachette, 1976. — P. 143-144.

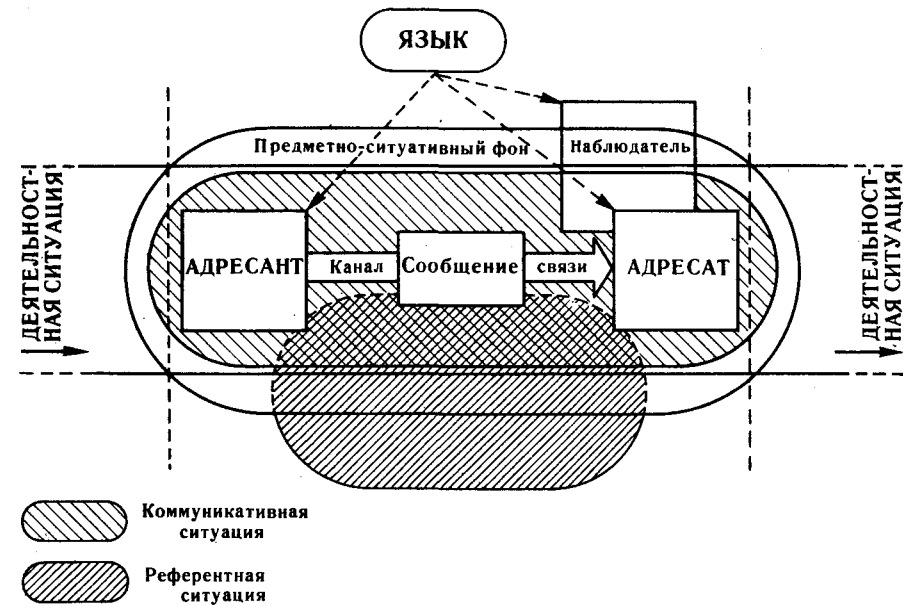
По отношению к каждому отдельному высказыванию деятельностная ситуация — это определенный момент в развитии сюжета, который характеризуется тем, что произошло до этого, и тем, что произойдет после¹. Поскольку то, что было сказано или выражено иным способом, составляет часть того, что произошло, предыдущие и последующие высказывания, а также жесты, выражения лица и т. п., всегда выступают как часть деятельностной ситуации и в своей совокупности образуют контекст. Таким образом контекст входит в понятие деятельностной ситуации.

Коммуникативная ситуация всегда разворачивается на определенном предметно-событийном фоне. Предметно-событийный фон — это место, где происходит общение (берег моря, актовый зал института, холл гостиницы, класс, кабинет начальника, редакция и т. д. и т. п.), время, когда оно разворачивается (время суток, день недели, время года, но также и абсолютное время, т. е. такой-то год или даже такое-то число, например 9 мая 1945 года), а также кто присутствует при общении в качестве наблюдателя и что делается или происходит вокруг (урок, вечер танцев, собрание; или пожар, артобстрел, наводнение, отпелель и т. д.). При дистантном общении место, а часто и время порождения сообщения адресантом и место и время восприятия сообщения адресатом не совпадают. При некоторых видах дистантного общения — таких, как общение между писателем и читателем (писатель пишет, книгу издадут, а потом читатель читает), важен не конкретный предметно-событийный фон порождения и восприятия сообщения, а общая социальная, политическая и историко-культурная ситуация: существенно не то, что Бальзак писал по ночам в халате, поглощая невероятное количество черного кофе, а то, что его творчество разворачивалось в эпоху Реставрации и Июльской монархии, на фоне определенных событий.

Предметно-событийный фон коммуникации может включать в себя, полностью или частично, референтную ситуацию. Это происходит тогда, когда люди говорят или пишут о том, что происходит у них перед глазами, т. е. о том, что входит в предметно-событийный фон. Чаще всего предметно-событийный фон какой-то своей частью включается в деятельностную ситуацию. Это бывает, в частности, тогда, когда деятельность адресанта ориентирована на объекты или события, входящие в его непосредственное окружение. В иных случаях предметно-событийный фон выступает только как внешняя декорация.

Подытожим важнейшие положения двух предыдущих параграфов в форме схемы. Такие схемы составлялись неоднократно. Наша берет за основу схему Р. Якобсона¹, а также схему, предложенную Р. Г. Пиотровским и его соавторами², но дополняет и ту и другую.

СХЕМА КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

Деятельностная ситуация изображена на схеме как разворачивающаяся слева направо, что соответствует ее развитию во времени, а коммуникативный акт, ограниченный двумя вертикальными пунктирными линиями, предстает как отрезок деятельностной ситуации — так сказать, реплика в контексте пьесы. Предполагается, что и слева, и справа (т. е. до и после) имеют место другие коммуникативные акты, необязательно речевые, в которых участвуют либо те же, либо иные коммуниканты. В первом случае, если позиции партнеров не меняются (т. е. если адресант остается адресантом), мы имеем монологический текст, а при смене позиций партнеров (говорят поочередно) — диалог.

На схеме референтная ситуация частично накладывается на

¹ Вводимое нами понятие деятельностной ситуации в общем соответствует модели прошлого — настоящего и модели будущего, которые используются в психологии и психолингвистике (см., например: Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — М.: Наука, 1969. — С. 146—153).

¹ См.: Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 198.
² См.: Пиотровский Р. Г., Рахубо Н. П., Хажинская М. С. Системное исследование лексики научного текста. — Кишинев: Штиинца, 1981.

коммуникативную и захватывает участок предметно-ситуативного фона. Изображая ее таким образом, мы хотели подчеркнуть лишь возможность такого совмещения, которое, как уже отмечалось, имеет место тогда, когда люди говорят или пишут о собственной речи и о том, что их непосредственно окружает. В тех же случаях, когда речь идет о каком-то отвлеченном предмете, референтная ситуация лежит вне коммуникативной и вне предметно-ситуативного фона. Референтная ситуация может прямо не соотноситься даже с действительной ситуацией — это бывает, в частности, тогда, когда люди говорят вовсе не о том, что их занимает, а о чем-то постороннем (как например, в некоторых рассказах Хемингуэя).

Положение наблюдателя в нашей схеме также должно символизировать два основных случая, указанных в § 6: 1) наблюдатель явно присутствует при общении, т. е. включен в коммуникативную ситуацию; 2) наблюдатель не включен в коммуникативную ситуацию и смотрит на нее со стороны (именно такую позицию занимает исследователь речевого сообщения).

§ 8. СТИЛЬ В РЕЧИ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Итак, мы установили, что речь можно рассматривать как особую форму деятельности, и определили некоторые основные понятия, необходимые для описания процесса речевого общения. Теперь надо вернуться к нашей основной теме и попытаться приложить к речи общее определение стиля, сформулированное в § 3. Это определение содержит два основных момента, ставит две проблемы: проблему *выбора* путей осуществления деятельности и проблему *значимости* стиля. Займемся вначале первой.

Что же следует понимать под путями осуществления деятельности применительно к речи? Проще говоря, если стиль — результат выбора, то что же мы выбираем, когда говорим или пишем? Ответ на этот вопрос как будто не вызывает затруднений: мы выбираем слова, потому что, как все мы знаем хотя бы по собственному опыту, одно и то же (или примерно одно и то же) всегда можно высказать по-разному. В работах по теории стилистики эту возможность выразить одно и то же содержание разными словами обычно связывают с тем свойством естественных языков, которое основатель современной стилистики швейцарский лингвист первой половины XX века Шарль Балли назвал *множественностью выразительных средств*¹ и которое заключается в существовании на разных уровнях языковой системы более или менее развитой сети *синонимов* и *вариантов*, т. е. знаков, имеющих одно и то же означаемое, но различные означающие: строя свое сообщение, субъект речи осознанно или неосознанно вы-

¹ См.: Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с франц.— М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.— С. 119—120, 122.

бирает определенные слова, конструкции фраз, морфологические и фонетические варианты из числа тех, которые могли бы быть использованы для передачи того же содержания. И поскольку выбор есть всегда (хотя бы теоретически), *каждое* речевое сообщение обладает стилем. «Каждый раз, когда нам что-то надо сказать,— писал по этому поводу П. Гиро,— язык предоставляет нам несколько различных способов высказать желаемое. В этом и состоит проблема стиля»¹.

Толкование стиля речевого сообщения как результата выбора слов для выражения некоторого как бы заранее данного содержания достаточно широко распространено в научной литературе²; оно, в частности, лежит в основе концепции, развернутой в первом издании этой книги. Однако на самом деле, если исходить из определения стиля, данного в § 3, стиль речи надо рассматривать как явление более сложное. Это легко показать на том самом примере, который был использован нами в первом издании «Стилистики французского языка» для доказательства названной концепции. Этот пример представлял собой пять возможных вариантов высказывания, посредством которого один из партнеров по коммуникации сообщает другому, что готов его выслушать:

1. Я — весь внимание.
2. Я вас слушаю.
3. Готов я внять твоим речам.
4. Ну, что у тебя там?
5. Давай, выкладывай, не тяни резину!

По поводу этих пяти вариантов дальше говорилось буквально следующее:

«Основное, денотативно-десигнативное содержание всех пяти вариантов русского примера одно и то же...; однако мы ясно чувствуем, что между ними есть существенная разница. Она лежит, главным образом, в области прагматической информации, т. е. информации об участниках общения. Первый вариант русского примера самый «вежливый»; по-видимому, субъект речи — интеллигент (или желает казаться таковым) и относится к адресату (хотя бы внешне) уважительно. Второй вариант уже суше, официальнее; говорящий рассматривает адресата как «чужого» и, скорее всего, чувствует над ним некоторое превосходство. Третий вариант выражает сходное отношение к адресату, но без оттенка официальности, присущего второму; кроме того, он гораздо «торжественнее», чем все остальные: так может выразиться персонаж какой-то старинной пьесы, причем не всякий, а облеченный властью, например царь; этот же вариант может иметь иронический оттенок. Четвертый и пятый варианты, кроме

¹ Guiraud R. Essais de stylistique.— P.: Klincksieck, 1969.— P. 60.

² Помимо названной работы П. Гиро, см., в частности: Хендрикс У. Цит. соч.; Винокур Т. Г. Цит. соч.; Арнольд И. В. Цит. соч.; Marouseau J. Précis de stylistique française.— P.: Masson, 1959.

отношения «сверху вниз», выражают раздражение или нетерпение говорящего; при этом в пятом мы ощущаем не просто превосходство отправителя над адресатом, но и откровенную грубость по отношению к нему; можно предположить, что говорящий — человек малокультурный»¹.

С нашей сегодняшней точки зрения здесь все правильно, кроме одного: по поводу приведенных пяти вариантов вряд ли можно утверждать, что они имеют *одно и то же* основное, денотативно-десигнативное (т. е. предметно-логическое) содержание в том смысле, в котором слово «содержание» употребляется в лингвистике. В самом деле, если варианты 1—3 описывают в общем одну и ту же референтную ситуацию — состояние адресанта, его готовность выслушать партнера, то референтные ситуации вариантов 4 и 5 связаны уже с адресатом: вариант 4 описывает или, точнее, называет (с вопросительной целенаправленностью) то, что адресат собирается сказать, а в варианте 5 говорится (с побудительной целенаправленностью) о будущем речевом акте последнего. При этом референтные ситуации этих двух высказываний тоже не совпадают: в варианте 4 речь идет о содержании будущего высказывания партнера, а вариант 5 — призыв к говорению. Таким образом, если номинативное содержание 1—3 в общем идентично, то 4 и 5 существенно отличаются в этом отношении как от 1—3, так и друг от друга.

Что же касается коммуникативного содержания, то и в этой сфере варианты не равнозначны: 1—3 оформлены как повествовательные (информативные) предложения (хотя во всех трех подразумевается приглашение к речи), вариант 4 представляет собой вопрос, а 5 — побудительное высказывание (требование или приказ). Относительная равнозначность всех пяти вариантов получается при соединении в каждом того и другого аспекта содержания, номинативного и коммуникативного (а также того, что прямо не сказано, но подразумевается²; однако это эквивалентность уже другого, не чисто лингвистического уровня — эквивалентность действия, совершаемого речью и направленного на достижение цели, лежащей вне речи, т. е. отнюдь не сводящейся к выражению какого-то содержания).

Подлинная цель речевого акта практически всегда лежит вне речи и может быть достигнута очень большим числом способов, в том числе и *неречевым путем*. Приведем еще один пример, частично заимствованный у Балли. Представим себе ситуацию, в которой один человек хочет побудить другого уйти. Не пытайтесь перечислить все возможные в такой ситуации высказывания,

¹ Долинин К. А. Стилистика французского языка. — Л.: Просвещение, 1978. — С. 19—20.

² То, что прямо не сказано, но подразумевается, составляет так называемое имплицитное содержание высказывания. Об имплицитном содержании высказывания см.: Todorov T. Symbolisme et interprétation. — P.: Ed. du Seuil, 1979, а также: Долинин К. А. Интерпретация текста, гл. I.

которые привели бы к указанной цели (это вряд ли осуществимо), назовем лишь некоторые; достаточно вероятные:

1. Vous ne croyez pas qu'il se fait tard?
2. Excusez-moi, je suis très occupé.
3. Ne vous fâchez pas, mais j'aimerais rester seul.
4. Je ne vous retiens plus.
5. Je vous prie de me laisser.
6. Laissez-moi.
7. Sortez!
8. Je vous ai assez vu.
9. Foutez le camp!
10. A la porte!

Но искомого результата можно добиться и не прибегая к речи: просто взять и вытолкать надоевшего посетителя за дверь — это будет одиннадцатый вариант совершения указанного действия.

Очевидно, что каждый из этих одиннадцати вариантов несет некоторую информацию о субъекте и об отношениях между партнерами по общению. Читатель сам без труда прокомментирует их с этой точки зрения.

Очевидно также, что содержание всех одиннадцати вариантов идентично лишь на уровне неречевого действия, которое они реализуют, и с этой точки зрения они действительно являются его вариантами; однако на уровне того, что принято называть содержанием (значением, смыслом) в лингвистике, они не синонимичны. Точнее, они синонимичны в очень разной степени: если 7 и 9 вполне могут рассматриваться как синонимы, то дистанция между 7 и 8 уже больше, а между 1 и 5 или 2 и 6 с точки зрения лингвиста вообще нет почти ничего общего, не говоря уже о том, что вариант 11 — физическое действие без слов — с лингвистической точки зрения вообще не может быть приравнен ни к одному речевому высказыванию.

Подведем некоторые итоги. Итак:

1) пять высказываний из первого примера, как и одиннадцать из второго, суть *варианты* одного действия, различающиеся *выбором* средств его осуществления;

2) в каждом случае выбор средств реализации действия, т. е. достижения поставленной цели, оказывается *символически значимым* — несет определенную информацию об адресанте, причем в каждом случае эта информация отличается от той, которую несут остальные варианты данного действия;

3) следовательно, согласно определению стиля как обще-семиотического понятия, сформулированному в § 3, пять вариантов первого примера и одиннадцать второго различаются *стилем*;

4) и в том, и в другом примере некоторые варианты *явно различаются* по своему номинативному и коммуникативному содержанию — по лингвистическому значению в целом;

5) исходя из всего вышеизложенного, мы должны признать, что стиль речевого сообщения — в том смысле, в котором мы

говорили о стиле до сих пор, — есть результат выбора не только средств выражения, т. е. не только того, как сказать, но и самого содержания речи — того, что сказать, чтобы добиться желаемого результата. Последнее вполне естественно, поскольку, как было замечено в § 6, действие, совершаемое высказыванием, опосредовано в первую очередь семантикой этого высказывания, его лингвистическим содержанием — именно оно, лингвистическое содержание, выступает как средство достижения поставленной цели.

§ 9. СТИЛЬ В РЕЧИ: УРОВЕНЬ ВЫБОРА

Вывод (5), сформулированный в конце предыдущего параграфа, имеет принципиальное значение: ведь если в создании стиля речевого сообщения непосредственное участие принимает содержание последнего — то, о чем говорится, и что именно об этом сказано, — говорить о стилистике как о чисто лингвистической дисциплине нельзя: лингвистика не занимается содержанием как таковым, безотносительно к средствам его выражения.

Таким образом, лингвисту этот вывод не понравился бы¹; но литературоведа он бы вполне устроил или, во всяком случае, не удивил. В самом деле, если внимательно посмотреть, как используют термин «стиль» литературоведы, анализирующие художественный текст, то окажется, что они большей частью придают ему достаточно широкое и неопределенное значение, подразумевающее авторский отбор отнюдь не только на уровне языковых средств, но и на уровне означаемых, т. е. компонентов номинативного содержания текста. В этом легко убедиться, просмотрев, например, четыре книги такой авторитетной по составу авторов серии изданий, как «Теория литературных стилей». Так, в глубокой по мысли и тонкой по наблюдениям статье М. Н. Эпштейн «Анализ и полифонизм во французской прозе (стили Стендаля и Бальзака)» мы найдем замечания — сами по себе безусловно правильные и ценные — относительно склонности персонажей Стендаля к самоанализу, формулируемому во внутренних монологах, тогда как герои Бальзака, как правило, высказывают свои убеждения в беседе, т. е. во «внешней» речи².

Что ж, с точки зрения нашего общего определения стиля, которого, видимо, интуитивно придерживаются многие пишущие о речи, потому что оно соответствует обиходному, «стихийному» употреблению этого слова, — с точки зрения общего определения стиля это в общем правомерно: если внутренний монолог — одно из средств изображения психики персонажа, соотносительное с другими возможными средствами, ведущими к той же цели, то преимущественный выбор этого или какого-либо другого средства

может получить символическую значимость и стать чертой стиля данного автора — разумеется, *стиля в широком смысле этого термина*.

То, что применительно к речи понятие стиля как бы расплывается и захватывает план содержания, не должно нас удивлять. Стиль — это прежде всего результат выбора. Но само понятие выбора обязательно предполагает установление каких-то рамок, какого-то множества вариантов, внутри которого этот выбор осуществляется, или, говоря точнее, *определенного уровня эквивалентности*, на котором должны располагаться все возможные решения. Если, скажем, речь идет о выборе компонентов одежды, то в множество возможных решений не включаются посуда, мебель, предметы санитарии и гигиены и т. п., а только то, что может служить одеждой. Если же задача состоит в том, чтобы выбрать костюм, то мы выбираем именно костюм, а не рубашку и не свитер. Но если нам надо выбрать подарок для кого-то, то круг возможных вариантов существенно расширяется: единственное неперемное условие заключается в том, чтобы выбранное понравилось адресату. Очевидно, что уровень эквивалентности возможных решений определяется целью деятельностного акта. Но, как мы уже видели (см. § 4), всякая мало-мальски сложная человеческая деятельность предполагает многоступенчатую иерархию целей и соответствующих им действий и, следовательно, многоступенчатую иерархию уровней эквивалентности, на которых осуществляется выбор.

В речи даже самое элементарное действие — отдельное более или менее автономное высказывание — скрывает в себе два уровня эквивалентности, два уровня выбора: 1) выбор содержания, подходящего для достижения данной цели (что я должен сказать адресату, чтобы достичь такого-то результата?), и 2) выбор языковых единиц и их сочетаний (как, какими словами я должен это высказать?). Если же мы строим развернутое сообщение, то уровней выбора будет уже существенно больше, потому что каждое элементарное действие, осуществляемое отдельно взятым высказыванием, входящим в состав развернутого сообщения, выступает как средство по отношению к цели более высокого ранга. Так, фраза, произносимая в какой-то момент действия персонажем романа или повести — пусть, например, это будет самая первая реплика Маленького Принца из сказки Сент-Экзюпери: *S'il vous plaît, dessine-moi un mouton!* — с точки зрения автора, как элемент развернутого художественного текста, должна, во-первых, воплотить какой-то «кадр» фабульного действия, а во-вторых, отобразить определенные свойства характера персонажа; и эти свойства тоже определенным образом включаются в художественный замысел произведения, т. е. нужны для чего-то, в данном случае для того, чтобы противопоставить естественность и непредвзятость мышления ребенка стандартности и утилитарности мышления «взрослых людей»; а это противопоставление необходимо для того, чтобы... и т. д. и т. п.

¹ Впрочем, в последнее время сходные идеи начинают высказывать и лингвисты (см., например: Хованская З. И. Цит. соч. — С. 35—37).

² См.: Эпштейн М. Н. Анализ и полифонизм во французской прозе (стили Стендаля и Бальзака) // Типология стилового развития XIX века. — М.: Наука, 1977. — С. 237—238, 252—253.

«Многослойность» стиля, складывающегося из актов выбора на разных уровнях эквивалентности, — это, видимо, общее свойство всех сложных человеческих действий; но в речи она особенно бросается в глаза, потому что между отбором того, что сказать, и того, как это выразить, есть очевидное качественное различие, связанное с подчиненностью речевой коммуникации иным видам деятельности. В соответствии с этим понятие стиля в речевой деятельности как бы расщепляется на два, которые мы условно назовем «*стиль содержания*» и «*стиль выражения*». Стиль содержания — это тот аспект «стиля вообще», который возникает за счет отбора, осуществляемого адресантом *на уровне означаемых*, т. е. того, что надо сказать или написать; уровень эквивалентности задается здесь целью речевого акта (например, заставить адресата уйти) или общим замыслом текста. Что же касается стиля выражения, то это понятие соответствует стилю в узком, лингвистическом смысле этого термина. Стиль выражения — это свойство сообщения, возникающее в результате *отбора означающих*, т. е. языковых средств, которыми будет выражено то, что адресант хочет сказать или написать, — последнее, т. е. план содержания сообщения, и образует в данном случае уровень эквивалентности. Совокупность того и другого — стиль речи в целом, возникающий в результате отбора и того, что надо сказать, и того, как это выразить¹, — мы будем именовать в дальнейшем *стилем в широком смысле слова*.

В дальнейшем мы увидим, однако, что абсолютно четкую границу между различными аспектами стиля речи провести нельзя — вполне строго выделить стиль выражения и стиль содержания из стиля в широком смысле слова по ряду причин не удастся. Однако стремиться к такому разграничению все-таки надо — хотя бы для того, чтобы не приписывать стилю как лингвистическому понятию (стилю выражения) то, что на самом деле относится к другим, более высоким уровням речевой деятельности (стилю содержания). А таким приписыванием грешат многие авторы работ по лингвистической стилистике; от преувеличения возможностей стиля выражения не свободно и первое издание этой книги.

В принципе эта книга — пособие по лингвистической стилистике; ее непосредственный предмет — *стиль выражения*; основная ее часть посвящена тем возможностям выбора, которые предоставляет говорящему или пишущему современный французский язык, и символической значимости тех или иных вариантов передачи основного содержания. Но прежде чем выделить основной наш объект из более широкого круга проблем², нам надлежит занять-

¹ Б. Х. Бгажников обозначает это понятие термином «стиль общения» (см.: Бгажников Б. Х. К определению понятия «стиль общения» // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М.: АН СССР, 1975—4.2. — С. 229-231.

² Эти проблемы составляют основной предмет нашего пособия «Интерпретация текста», хотя сам термин «стиль в широком смысле слова» там не употреб-

ся рядом вопросов, требующих совместного рассмотрения того и другого аспекта стиля. Эти вопросы связаны главным образом с содержанием, которое несет стиль.

§ 10. ЧТО ОЗНАЧАЕТ СТИЛЬ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ. НОМИНАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ АДРЕСАНТЕ

В предыдущих параграфах мы исходили из определения стиля как символически значимого свойства деятельностного акта вообще и речевого акта в частности, несущего определенную информацию о субъекте деятельности (речи). Теперь нам надлежит уточнить и конкретизировать это общее определение применительно к речи, т. е. ответить более подробно на вопросы, какую информацию несет стиль речевого сообщения (стиль в широком смысле слова) и откуда она берется.

На первый из этих двух вопросов мы можем уже сейчас ответить очень коротко, но емко: стиль (в широком смысле этого слова) несет информацию о *параметрах коммуникативной ситуации* (которые были достаточно подробно рассмотрены нами в § 6) и в первую очередь о *субъекте речи*¹, точнее, *образе адресанта*, объединяющем все качества и свойства говорящего (пишущего): тот или иной статус, роль, играемая им в процессе общения, личностные свойства, часто (хотя далеко не всегда) цель, которую он преследует, и т. п. То, что сведения об адресанте составляют важнейшую часть стилистической информации, определяется тем, что остальные параметры коммуникативной ситуации (в частности, адресат и общая обстановка общения) отражаются в стиле не прямо и непосредственно, а *такими, какими воспринимает их адресант*. Это вполне естественно, так как именно он оценивает коммуникативную ситуацию в целом и строит сообщение в соответствии со своей оценкой.

Примеры, иллюстрирующие сформулированный в предыдущем абзаце тезис, будут даны ниже. А сейчас попробуем ответить на второй вопрос: откуда берется информация, которую несет стиль сообщения? Ответ на этот вопрос поможет нам лучше осознать природу и характер этой информации.

Стилистическая информация имеет два источника. Один порождает только «стиль содержания», т. е. символическую значимость того, что говорится, а второй, более универсальный, лежит в основе и «стиля содержания», и «стиля выражения» — стиля речи в широком смысле слова.

Начнем с первого. Он непосредственно связан с деятельностной

ляется — для обозначения информации, которую несет стиль в широком смысле слова, там используется выражение «общий коммуникативный подтекст».

¹ Ср.: Степанов Ю. С. Французская стилистика, — С. 21; Кристал Д. и Дейви Д. Стилистический анализ // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1980. — Вып. IX; Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — С. 41—53; Marouzeau J. Op. cit. — P. 14-15.

природой речи. Мы уже говорили о том, что номинативное содержание сообщения — описание референтной ситуации (референтного пространства) — представляет собой средство по отношению к той цели, которую преследует речь. Но средство всегда определяется, во-первых, целью, а во-вторых, условиями протекания деятельностного акта¹. Из этого следует, что отражение мира в человеческой речи *всегда подчинено интересам адресанта*, той задаче, которую выполняет речь, и зависит от условий, в которых она протекает. Что мне надо, чего я хочу добиться? О чем мне следует в этой связи говорить (писать), учитывая, что я имею дело с таким-то адресатом — носителем такого-то статуса, играющим такую-то социальную роль, заинтересованным со своей стороны в том-то и том-то? Что и как я должен ему об этом сказать, принимая во внимание степень его осведомленности и прочие его свойства, а также способ, которым осуществляется наше общение (канал связи) и ситуацию общения в целом? Даже если мы и не формулируем для себя эти вопросы, все равно они незримо и неосознанно определяют наше речевое поведение.

Но если выбор референтной ситуации и ее истолкование (номинативное содержание) зависят от адресанта, от его потребностей, интересов, коммуникативных задач, от его представления об адресате и о коммуникативной ситуации в целом, значит, номинативное содержание высказывания характеризует не только референтную ситуацию, но также *самого адресанта и его представление о коммуникативной ситуации*. В этом нет ничего странного: мы судим о человеке по его поступкам, по тому, что и как он делает (или не делает), но также по тому, что он говорит.

Нетрудно показать, что даже самая обычная, конкретная, вполне доступная зрительному восприятию ситуация не только может, но и в принципе *должна* быть истолкована и описана по-разному разными людьми, включенными в разные системы деятельности; и по тому, как эта ситуация будет описана, можно с достаточной определенностью судить о говорящем субъекте. В книге «Интерпретация текста» мы рассматриваем воображаемый, но вполне возможный случай, когда в одну и ту же аудиторию, где идут занятия, по очереди заглядывают шесть человек и каждый из них сообщает своему партнеру, что он там увидел². Таким образом получается шесть различных по своему номинативному значению высказываний:

1. Там четвертый курс, французы; у них язык.
2. Там Марья Павловна толкует своего любимого Мориака — знаете, тот отрывок из «Les chemins de la mer», где они приезжают в Леоньян.
3. Занято.
4. Галки там нет — сачкует, наверно.
5. В 235-й дверь плохо закрывается и левый плафон не горит.

¹ Ср.: Основы теории речевой деятельности.— С. 15—16.

² См.: Долинин К. А. Интерпретация текста.— С. 19—22.

6. Там еще доска плохая — ничего не видно, что пишут.

Каждое из этих высказываний (будем считать, что все они соответствуют истине) отражает лишь какую-то одну сторону ситуации — ту, которая существенна для субъекта речи, т. е. существенна с точки зрения той деятельности, в которую включается его речь, тех проблем, которые его занимают, тех целей, которые он преследует. Так, автора первого высказывания интересуют студенты, а на преподавателя он не обращает внимания; наоборот, второй говорящий, игнорируя студентов, называет в качестве важнейших элементов ситуации преподавателя и разбираемый текст. Если адресант первого высказывания, по всей вероятности, студент, то второй говорящий — скорее всего преподаватель, и обращается он тоже к преподавателю. Третьему адресанту безразлично, что происходит в аудитории; его и его партнера интересует одно: свободно или занято помещение, — об этом он и говорит. Четвертый — тоже, вероятно, студент — ищет некую Галку; в соответствии с этим из всего многообразия аспектов реальной ситуации он выделяет один: отсутствие Галки. Наконец, пятый и шестой адресанты — по всей вероятности, работники АХЧ института — подходят к ситуации со своей точки зрения: выискивают технические неполадки, подлежащие устранению.

Так по содержанию одной-единственной фразы, произнесенной в самых обычных обстоятельствах, мы можем судить о статусе и (или) роли говорящего, а также (в некоторых случаях) о цели, которую он преследует.

§ 11. ЖАНРОВЫЕ И СИТУАТИВНЫЕ НОРМЫ РЕЧИ КАК ОСНОВА СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ СТИЛЯ¹

Один из основоположников современной лингвистики — Ф. де Соссюр утверждал, что, в отличие от языка, который целиком социален и не зависит от воли его носителей, речь индивидуальна и произвольна. Современное состояние науки о языке и речи позволяет утверждать, что этот тезис по меньшей мере неточен.

Помимо законов данного языка, существуют, во-первых, некоторые общие принципы, которым должна подчиняться любая речь, а во-вторых, множество правил и норм, регулирующих построение высказываний и текстов в зависимости от характера коммуникативной ситуации. Мы остановимся здесь только на вторых².

В каждом языковом сообществе, в каждую данную эпоху существует «система норм, дифференцированных применительно к различным признакам речевой ситуации и к другим характеристикам общения»³. Это значит, что у каждого взрослого члена

¹ Этот параграф воспроизводит с небольшими изменениями содержание § 20 и 21 «Интерпретации текста».

² Об общих принципах речевой деятельности см.: Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics.— N. Y.: Acad. Press, 1975.— Vol. 3; Долинин К. А. Интерпретация текста.— С. 42—43.

³ Основы теории речевой деятельности.— С. 305.

данного историко-культурного и языкового сообщества есть определенные представления о том, как и о чем он может говорить с тем или иным собеседником в той или иной обстановке и что ему можно сказать, а чего лучше не говорить. Еще более жестко регламентируется письменная речь, в особенности такие ее жанры, как деловая и техническая документация, разного рода постановления, решения, договоры и т. п., а также (хотя и в меньшей степени) научные статьи, монографии, учебники, информационные материалы в газете и т. д. И каждый, кому по роду его деятельности приходится составлять подобные тексты, знает, как они пишутся, хотя и не всегда формулирует эти правила словами.

Следует особо подчеркнуть, что нормы речевого поведения регулируют не только план выражения речи, как это иногда считают, но и план содержания — не только как, какими словами, но также о чем и что рекомендуется (или не рекомендуется) говорить или писать в данной коммуникативной ситуации. Регламентируется также и *синтагматическая организация сообщения*, т. е. порядок изложения материала, смысловые связи между высказываниями и более крупными частями текста — сферфразовыми единствами, абзацами, главами. Таким образом, нормы речевого поведения в значительной степени предопределяют и стиль выражения, и стиль содержания.

Нормы и правила речи в различных условиях общения определяются в первую очередь взаимообусловленными и взаимодополняющими *ролями* партнеров. В одинаковых по ролевой структуре коммуникативных ситуациях в речи разных людей обнаруживается множество сходных черт: все учителя всех школ России разговаривают со своими учениками если не одинаково, то во всяком случае сходно — говорят сходное и говорят сходно, точнее, так же, как доктора с больными, продавцы с покупателями, деканы со студентами, офицеры с солдатами, служащие справочных Аэрофлота с пассажирами, милиционеры с нарушителями правил уличного движения, даже родители с детьми, студенты со студентами (но уже чуть иначе со студентками), даже жены с мужьями. Все научные статьи, кем бы они ни были написаны, в общем похожи одна на другую, как и все учебники, все международные обзоры, все приказы по всем учреждениям, все защитительные речи в суде, все басни, даже все романы — хотя бы настолько, что мы можем в большинстве случаев отличить роман от не романа.

Это вытекает из самого содержания понятия социальной роли. «Под ролью понимается *функция*, нормативно одобренный обществом *образ поведения*, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию»¹. Главное в понятии социальной роли — это и есть определенная заданность поведения человека, занимающего какую-то типичную для данного общества позицию по отношению к другим людям, обладателям иных позиций, соотне-

сенных с данной, — например учитель и ученики, муж и жена, начальник и подчиненный, шофер такси и пассажир и т. п. Ролевое поведение регулируется *ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями*, т. е. писанными или, чаще, неписанными правилами: учителю полагается вести себя определенным образом с учениками, и каждый учитель знает, что другие знают, как именно, и ждут от него определенного поведения; если же он будет вести себя иначе, не оправдает ролевые ожидания, то навлечет на себя общественное неодобрение, а в особо серьезных случаях и взъясание по службе.

Речь — важный компонент поведения. Но если сущность ролевого поведения в том, что мы ведем себя так, как от нас этого требуют и (или) ждут, то, очевидно, выступая как носители того или иного статуса и играя ту или иную роль, мы и говорим (пишем) так или примерно так, как от нас этого ждут: «говоря, человек чаще всего бессознательно выбирает вариант, соответствующий его представлениям о том, чего ожидают от его речи слушатели»¹. Так создается система норм, соответствующая «матрице ролей», присущей данному обществу. Каждая такая норма, регулирующая «речевую партию» определенной роли, соответствует тому или иному речевому жанру². Мы привыкли говорить о жанрах применительно к художественной литературе — роман, басня, поэма и т. д. Но жанрами, уже речевыми, а не литературными, являются также учебник, научная статья, бухгалтерский отчет, выступление адвоката в суде, воинский приказ, передовая статья в газете и т. п. Более того, речевыми жанрами следует считать и речь врача, обращенную к больному (как и речь больного, обращенную к врачу), и опрос на уроке, и разнос, который замдекана учиняет нерадивому студенту, и разговор влюбленных — словом, все хоть сколько-нибудь типизированные речевые проявления, соответствующие определенным ролям, позиционным, ситуативным и психологическим.

Существенно, что, как явствует из приведенных примеров, каждый речевой жанр, как речевая партия определенной роли, реализующейся в речи, отводит также определенную роль *адресату*. Так, учебник адресуется, как правило, школьнику или студенту, усваивающему основы какой-то дисциплины, и автор учебника не может не учитывать это обстоятельство: если он переусложнит свой текст, последний не выполнит возложенной на него задачи — читатель ничего не поймет. Наоборот, в научной статье, предназначенной для специального журнала, или в монографии не следует объяснять элементарные вещи, потому что коллеги-ученые, которым адресуются подобные тексты, должны знать основы своей дисциплины. Вообще многие канонизированные речевые жанры отличаются друг от друга в первую очередь именно тем, какому читателю или слушателю они адресованы

¹ Основы теории речевой деятельности.— С. 306.

² См.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка.— Л., 1929.— С. 115—116.

¹ Кон И. С. Социология личности.— М.: Наука, 1967.— С. 23.

(ср., например, доклад на научной конференции и популярную лекцию на ту же тему).

Каждый речевой жанр обычно предполагает также определенный канал связи (см. приведенные выше примеры); с изменением канала связи меняется и жанр: доклад на научной конференции — это не то же самое, что статья, а лекция перед студенческой аудиторией строится (или должна строиться) иначе, чем глава из учебника. Сама роль включает в себя основные параметры общения; с изменением параметров коммуникативной ситуации меняется и роль¹.

Наконец, речевой жанр как норма речевого поведения в рамках определенной роли связан со статусом субъекта речи в той мере, в какой сама роль предполагает определенный статус исполнителя: защитником на суде, как правило, выступает профессиональный адвокат, уроки в школе обычно ведут люди с педагогическим образованием, а роль врача тоже чаще всего играет человек с соответствующим дипломом. Однако можно говорить и о статусных (групповых) нормах речевого поведения, не зависящих от ролевых (жанровых) норм, постольку, поскольку в речи большинства носителей того или иного статуса (членов той или иной группы) обнаруживаются какие-то постоянные черты и к их речи обращены определенные ожидания². Это подтверждается, в частности, существованием стандартных речевых реакций на их нарушение: «Не стыдно ругаться? А еще женщина!» Vous n'avez pas honte? Une personne âgée! Статусные черты проявляются прежде всего в стиле выражения (потому что содержание больше зависит от ситуации и роли); на этой основе выделяются, в частности, территориальные и социальные диалекты.

Но если мы практически всегда строим свою речь в соответствии с ролевыми (жанровыми), групповыми (статусными) и ситуативными нормами, регулируемыми и план выражения, и план содержания; если, с другой стороны, эти нормы известны хотя бы в общих чертах всем взрослым членам данного социокультурного и языкового сообщества, то, очевидно, любое порожаемое в естественных условиях речевое сообщение *сигнализирует роль*, которую играет субъект речи (т. е. жанр, которому принадлежит сообщение), равно как и некоторые другие параметры коммуникативного акта, в рамках которого оно возникло. Как пишет В. А. Звегинцев, «всякое правильное («согласованное») предложение неизбежно несет некоторую (и при этом весьма существенную, разнообразную и огромную) добавочную информацию о тех условиях..., которым оно удовлетворяет. Так и возникает невидимый и неслышимый подтекст у всякого видимого и слышимого «текста»³.

¹ Основы теории речевой деятельности.— С. 307.

² Ср.: Национально-культурная специфика речевого поведения.— М.: Наука, 1977.— С. 48—50.

³ Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи.— М.: Изд-во МГУ, 1976.— С. 221.

Таким образом, информация, которую несет стиль в широком смысле слова, — это информация о самом коммуникативном акте, в результате которого сообщение родилось на свет, — в первую очередь о социальной роли, принятой адресантом, и о роли, отводимой им адресату, о статусе адресанта, а также о прочих параметрах ситуации общения, неизвестных или недостаточно известных адресату или наблюдателю (точнее, о том, как адресант расценивает эти параметры). И возникает эта информация в силу того, что адресат (наблюдатель) истолковывает некоторые свойства самого сообщения как знаки или сигналы определенной роли, статуса, канала связи — ситуации общения в целом.

Но не противоречит ли тезис о детерминированности высказывания (и в частности, его содержания) ролью адресанта и другими параметрами коммуникативной ситуации тому, что мы писали в § 10, а именно, что и выбор референтной ситуации, и ее истолкование зависят от адресанта, от его деятельностных и коммуникативно-познавательных установок? Противоречия здесь нет, так как сами эти установки, равно как и непосредственная целенаправленность сообщения, определяются ролью адресанта или по крайней мере согласуются с ней (недаром, разбирая пример, где разные люди высказывались о том, что они видят в аудитории 235, мы квалифицировали каждого по его позиционной роли: преподаватель, студент, работник АХЧ).

§ 12. СЕМИОТИЧЕСКИЙ СТАТУС СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Итак, информация, которую несет стиль (в широком смысле слова), складывается из ответов на три основных вопроса:

— Что значит, что в сообщении речь идет об этом, а не о чем-нибудь другом, о чем мог бы говорить или писать человек — человек вообще, или человек, занимающий данную позицию в обществе и в структуре какой-то деятельности (т. е. преследующий такую-то цель в таких-то условиях), или, наконец, данный, известный нам человек?

— Что значит, что о том, о чем говорится, сказано именно это, а не что-нибудь другое, чего можно было бы ожидать от человека — человека вообще, или человека, занимающего данную позицию, и т. д.?

— Что значит, что данное содержание выражено так, а не иначе, иными словами?

Совокупность сведений, складывающаяся из ответов на эти вопросы, представляет собой информацию совершенно особого рода по сравнению с тем содержанием, которое непосредственно несет речь как упорядоченная последовательность языковых знаков.

Мы помним, что сам языковой знак представляет собой в простейшем и наиболее обычном случае некую последовательность фонем или графем, называемую означающим, которая прочно соединена в психике носителей данного языка с определенным поня-

нием — означаемым. В соответствии с этим в речи выделяют *план выражения* — последовательность означающих — и *план содержания* — последовательность означаемых, из которых по особым законам складывается смысл сообщения.

Совершенно очевидно, что стилистическая информация тоже имеет знаковую природу: определенное содержание сообщения плюс определенный подбор средств выражения этого содержания, т. е. сообщение в целом, означает определенный жанр, определенные роли партнеров по общению и прочие параметры коммуникативной ситуации. Но эта информация использует принципиально иные знаки, *иной язык* — не тот, на котором сделано само сообщение, не французский, не русский и не испанский, а особую семиотическую систему, для которой сообщения на любом национальном языке служат лишь *планом выражения*. В самом деле, ведь то, что мы назвали выше стилем содержания, состоит в факте, что сообщение несет данное предметно-логическое содержание, а не какое-нибудь другое; именно этот факт — содержание сообщения как результат отбора — позволяет сделать определенные выводы об адресанте и коммуникативной ситуации в целом, т. е. выступает как *план выражения* по отношению к стилистической информации. Что же касается стиля выражения, то он состоит в факте, что данное предметно-логическое содержание выражено так, а не иначе, иными языковыми средствами, и именно этот факт (а не сам по себе план выражения сообщения) выступает как план выражения по отношению к стилистической информации. Таким образом, планом выражения по отношению к суммарной стилистической информации, которую несут стиль содержания и стиль выражения (стиль в широком смысле слова), выступает *сообщение в целом*, точнее, тот факт, что адресант произвел данное сообщение, а не какое-нибудь другое, с другим содержанием и (или) составленное из других языковых знаков.

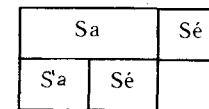
Из сказанного следует, что стилистическая информация есть продукт *вторичного семиозиса*, семиотической системы, которая как бы надстраивается над языком и речью, несущей свое, первичное содержание. Об этом хорошо писал еще в 30-х годах нашего века американский ученый Моррис: «Любой знак может быть рассмотрен исходя из психологических, биологических и социальных условий его употребления... Когда... найдено некоторое соотношение, знак приобретает индивидуальную и социальную диагностическую ценность и тем самым становится новым знаком на более высоком уровне семиозиса. Знаки, так же как и вещи, не являющиеся знаками, могут становиться диагностическими знаками: тот факт, что у больного жар, сообщает определенные сведения о его состоянии; аналогичным образом тот факт, что некто использовал определенный знак, выражает состояние этого человека...»¹.

¹ Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика; Составление, вступительная статья и общая редакция Ю. С. Степанова.— М.: Радуга, 1983.— С. 70—71.

С тем, что Моррис называет диагностической ценностью знака на более высоком уровне семиозиса, связана еще одна особенность стилистической информации: в отличие от обычной, номинативной и эксплицитной коммуникативной, она чаще всего непреднамеренна и не осознается адресантом¹. Если, сообщая о каком-то событии или формулируя вопрос, говорящий или пишущий, как правило, сознает, что он делает, и *хочет* выразить определенную мысль или потребность в информации, то сообщение о нем самом и о прочих параметрах коммуникативной ситуации, которое несет стиль порождаемого им высказывания, чаще всего, надо думать, не является его целью и совершается неосознанно.

Для того чтобы стилистическая информация осознавалась и заранее планировалась адресантом, необходима *рефлексия* по поводу собственной речи, желание и способность воспринять ее как бы чужим ухом или чужими глазами. Стилистическая информация осознается и планируется также при передаче или имитации *чужой речи*, если адресант хочет отразить ее индивидуальное или ролевое своеобразие. И то, и другое типично для художественной литературы и примыкающих к ней речевых жанров.

Следуя терминологии известного датского лингвиста Л. Ельмслева, вторичную семиотическую систему, которая несет стилистическую информацию, мы назовем *коннотативной*. По определению известного французского семиолога Р. Барта, «коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой»². Это определение иллюстрируется следующей схемой³:

— где нижний этаж соответствует первичной семиотической системе, которую Барт называет денотативной, а верхний — вторичной, коннотативной системе; каждая система представлена планом выражения (Sa — «signifiant») и планом содержания («Sé — «signifié»).

Схема и определение Барта (как, впрочем, и схема Ельмслева, которую мы здесь не приводим) могут получить по меньшей мере два различных толкования в зависимости от того, ставит ли исследователь во главу угла план содержания (Sé) или план выражения (Sa) денотативной системы. Эти два толкования соответствуют уже выделенным нами двум аспектам стиля: стилю содержания и стилю выражения. Сам Барт, как в указан-

¹ См.: Степанов Ю. С. Семиотика.— М.: Наука, 1971.— С. 21.

² Барт Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против» // Сборник статей.— М.: Прогресс, 1975.— С. 157; см. также: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике.— М.: Прогресс, 1960.— Вып. I.— С. 368—373.

³ Барт Р. Цит. соч.— С. 158.

ной статье, так и в других своих работах (они посвящены главным образом семиотике литературы), имел в виду в первую очередь коннотации содержания.

Иное толкование концепции Ельмслева — Барта мы находим в работах Ю. С. Степанова, который удачно применил ее к лингвистической стилистике, т. е. к стилю выражения¹. Аналогичным образом идея коннотативной семиотики толковалась в первом издании этой книги. Думается, однако, что в первую очередь она должна быть приложена к речевому поведению человека *в целом*, а не к отдельным жанрам или типам речи, и к стилю *в широком смысле слова*, потому что в процессе восприятия речи рядовым носителем языка стиль выражения и стиль содержания, как правило, не расчлняются или расчлняются нечетко. Одна из причин такой недифференцированности восприятия заключается в том, что *план содержания того и другого, в сущности, един*: как мы уже знаем, и стиль выражения, и стиль содержания отсылают к параметрам коммуникативной ситуации.

§ 13. СОДЕРЖАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОЛЕВОМ ОБЩЕНИИ

Вернемся к содержанию, которое несет стиль речи. Выше, в § 11, мы высказали мысль, что в любом речевом сообщении как бы закодирована информация о речевом акте, в результате которого оно появилось на свет, так как параметры самого сообщения — как план содержания, так и план выражения — определяются параметрами коммуникативной ситуации. Выражаясь математическим языком, можно сказать, что любое сообщение выступает как функция ряда аргументов:

$$C = f(A_n, A_t, H, P_C, D_C, P_C\Phi, K_C\psi),$$

где *C* — само сообщение, *A_n* — адресант как носитель статуса, роли и определенных личностных свойств, а также субъект деятельности, преследующий своей речью определенную цель, *A_t* — адресат, рассматриваемый в тех же аспектах; *H* — наблюдатель, *P_C* — референтная ситуация, *D_C* — деятельностная ситуация, *P_CΦ* — предметно-ситуативный фон и *K_Cψ* — канал связи. Как уже было сказано в § 6, референтная ситуация в принципе не является частью коммуникативной ситуации; однако включить ее в нашу формулу совершенно необходимо, так как, получая отражение в номинативном содержании сообщения, она существеннейшим образом детерминирует последнее.

Наша речевая деятельность в целом может быть уподоблена решению приведенного уравнения, т. е. нахождению неизвестных величин; причем для разных людей, занимающих разные позиции в структуре речевого акта, это равенство будет обладать разными наборами известных и неизвестных. Адресанту хотя бы в общих чертах известно все, что находится в правой

части равенства, поскольку он имеет определенное представление обо всех параметрах коммуникативной ситуации; его задача — найти параметры высказывания, т. е. построить сообщение. Интерпретатор (адресат или наблюдатель) решает обратную задачу: ему непосредственно дано само сообщение (план содержания и план выражения); в первую очередь он «декодирует» номинативное содержание сообщения — то истолкование, которое получает в сообщении референтная ситуация, а затем, зная закономерные связи между параметрами речи (включая уже воспринятое описание референтной ситуации) и параметрами коммуникативной ситуации, он «вычисляет» остальные аргументы функции — те, которые его интересуют. Сведения о них и составляют коннотативное содержание сообщения.

Названные аргументы — параметры коммуникативной ситуации — имеют разный «удельный вес» в сообщениях, принадлежащих к разным жанрам и типам речи. Так, для сообщений, реализуемых дистантно и предназначенных не единичному адресату, а целой социальной группе (таких, как книги, статьи, газетная информация, законодательные акты, большинство теле- и радиопередач и т. п.), конкретный предметно-ситуативный фон порождения сообщения, как правило, не важен. Для ряда жанров деловой и научно-технической информации, которые жестко регламентируют построение сообщения, не актуальны личностные свойства адресанта и адресата: такие тексты, как доверенность, патентная заявка, решение суда, коммерческое соглашение, закон, международный договор и т. д., реализуют *чисто ролевое общение* — такое, когда адресант и адресат выступают только как носители ролей и субъекты сугубо ролевой деятельности, а их личностные качества и состояния никого не интересуют и в сообщении никак не проявляются.

Чем строже регламентируется речь, тем определеннее и в то же время тем беднее стилистическая информация, которую она несет. В только что названных речевых жанрах она воспринимается вполне однозначно (если, конечно, интерпретатор знаком с нормами построения соответствующих текстов) и фактически сводится к указанию на жанр и стоящую за ним роль, как это имеет место в следующем отрывке:

Art. 328. *Il n'y a ni crime ni délit lorsque l'homicide, les blessures et les coups étaient commandés par la nécessité actuelle de la légitime défense de soi-même ou d'autrui.*

Внешнее оформление этого отрывка — он именуется статьей и получает свой порядковый номер, — его план содержания — текст предписывает, как надо квалифицировать некоторые человеческие действия, обычно подпадающие под рубрику противозаконных, в определенных обстоятельствах, — и план выражения, характеризующийся особой организацией фразы (она будет подробно рассмотрена ниже) и обилием специальных терминов, — все это неопровержимо свидетельствует о том, что перед нами статья Уголовного кодекса — особого жанра официальной речи,

¹ См.: Степанов Ю. С. Семиотика. — С. 21, 91—97.

в котором адресант выступает в специфической роли законодателя. Законодатель — это не личность, а *голос государства*; именно поэтому в текстах, реализующих эту и подобные ей роли, полностью отсутствует какая бы то ни была субъективная окраска и никому даже в голову не придет ее искать.

Ролевое начало преобладает и в таких сравнительно более гибких жанрах, как научная статья, доклад, монография, учебник, информация в газете, на радио или на телевидении и т. п. О том, каков автор учебника или статьи именно как личность, мы можем более или менее определенно судить лишь тогда, когда он хоть немного, но нарушает жанровую норму или балансирует на грани нормы.

§ 14. СОДЕРЖАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ

Однако в целом наша речевая деятельность жесткой регламентации не поддается, в особенности неподготовленная устная речь. Большинство речевых жанров, реализующихся в устном общении, а также многие письменные жанры оставляют субъекту *определенную свободу* индивидуальной интерпретации жанровых норм: в рамках одних и тех же жанров и в общем не нарушая обычая, мы все-таки чаще всего говорим и пишем неодинаково. Это объясняется тем, что мы сами неодинаковы, — разные люди обладают разным жизненным речевым опытом, разным уровнем интеллектуального и культурного развития, разным темпераментом, разными социальными, возрастными, образовательными, профессиональными и прочими статусами. Индивидуальное своеобразие речи, как это ни парадоксально звучит, само становится нормой в художественной литературе: плох тот писатель, который пишет, «как все». Но это требование оригинальности не отменяет общие нормы жанра — они сохраняются как своего рода рамка.

Чем менее строго регламентируется речь в рамках данного жанра, тем богаче и разнообразнее стилистическая информация, которую она несет, и тем больше содержание этой информации зависит от воспринимающего и от процесса восприятия, в частности, от того, какие параметры коммуникативной ситуации известны интерпретатору независимо от сообщения и что его интересует.

В самом деле, если план содержания и план выражения сообщения не жестко детерминированы ролью, если все или почти все параметры коммуникативной ситуации актуальны, т. е. в ощутимой степени определяют выбор, осуществляемый адресантом, то уравнение, приведенное на с. 40, не поддается однозначному решению, так как содержит слишком много неизвестных. Иначе говоря, имея дело с сообщениями, которые несут явный отпечаток личности адресанта, мы далеко не всегда можем с

полной уверенностью судить по самому сообщению о значении каждого отдельного параметра коммуникативной ситуации, потому что *одно и то же сообщение может быть порождено разным набором параметров.*

Последнее можно показать на очень простом примере. Пусть дано сообщение: *Il se fait tard, vous devez être fatigué.* По самому этому высказыванию мы можем заключить лишь то, что, по-видимому, оно возникло в ходе непосредственного неформального или не чисто формального общения, что адресант и адресат (или по крайней мере один адресат) — люди взрослые и скорее всего не очень близкие, а также что они принадлежат к тому социальному кругу, в котором к людям указанного статуса обращаются на «Вы». Что же касается таких важных параметров коммуникативной ситуации, как роли, то тут почти полная неопределенность: говорящий может быть как начальником, так и подчиненным, как преподавателем, так и студентом, как хозяином, так и гостем... Ничего нельзя сказать и по поводу личностных свойств адресанта.

Однако положение существенно изменится, если мы введем хотя бы две известные величины: сопряженные друг с другом роли партнеров по общению. Допустим, что адресант — хозяин, а адресат — гость. В этом случае высказывание немедленно обретает определенный смысл и цель: ясно, что это слегка завуалированное приглашение уйти. Отталкиваясь от этого, можно сделать и некоторые выводы, касающиеся отношений между партнерами: социальный статус адресанта, вероятно, несколько выше, чем статус адресата, иначе он бы не позволил себе и такого намека. Наконец, теоретически рассуждая, эта фраза дает кое-какой материал и для того, чтобы судить о личности адресанта; но конкретные выводы можно было бы сделать лишь на основании ряда аналогичных наблюдений, которые позволили бы выявить с достаточной определенностью его индивидуальную норму поведения.

А теперь представим себе, что эту фразу говорит не хозяин, а гость. В таком случае мы должны приписать говорящему уже иную цель — подготовить и обосновать собственный уход или получить от хозяина заверение, что продолжение визита ему не в тягость. И в том, и в другом варианте адресант хочет продемонстрировать адресату свою предупредительность, из чего опять-таки можно делать определенные выводы о личностных его свойствах и отношениях между партнерами.

Таким образом, для более или менее полного и адекватного восприятия стилистической информации, которая содержится в высказывании или тексте, реализующем личностное общение, интерпретатор должен еще *до текста и независимо от него* знать какие-то величины из правой части равенства — какие-то параметры коммуникативной ситуации. Тогда, воспринимая сообщение и соотнося его с тем, что ему уже известно

о речевом акте, он может сделать вывод о неизвестном параметре или неизвестных параметрах последнего¹.

Это условие — знание интерпретатором каких-то параметров коммуникативной ситуации — оказывается соблюденным практически всегда. Иначе и быть не может, если получателем сообщения является сам адресат, а общение происходит в форме непосредственного контакта; но и тогда, когда мы имеем дело с письменным текстом, хоть что-то из правой части равенства нам, как правило, известно. Известны, в частности, канал связи и жанр сообщения, так как последний обычно прямо указывается на титульном листе книги либо в подзаголовке статьи («роман», «рассказы», «сборник статей», «учебное пособие», «заметки писателя», «судебный очерк», «фельетон» и т. п.) или сигнализируется каким-то иным способом, например местом статьи на газетной полосе. Кроме того, достаточно часто мы имеем некоторое представление и о референтном пространстве текста — хотя бы о том, что в нем *возможно и вероятно*, а чего не может быть, и, сопоставляя свои представления о нем с описанием, данным в тексте, делаем выводы относительно философской, идеологической или эстетической позиции автора, его пронизательности, искренности, степени осведомленности и т. п. Наконец, читая или слушая с начала последовательно развертывающийся текст, мы тем самым знакомимся с деятельностной ситуацией, воплощенной в предыдущей части текста (в «левом контексте») и в какой-то мере определяющей его последующую часть (ведь контекст, как было сказано в § 6, входит в состав деятельностной ситуации). Так, например, читая очередную реплику персонажа романа или пьесы, мы, как правило, уже знаем, что это за персонаж, и представляем себе ситуацию, в которой эта реплика произносится. Аналогичным образом, читая очередную фразу статьи или учебника (хотя бы вот эту самую), читатель знает, какую роль она играет в структуре речемыслительной деятельности, которая развертывается в данном параграфе и в книге в целом, проще говоря, как она связана со всем предыдущим и зачем она тут стоит.

Таким образом, объективные предпосылки для извлечения стилистической информации из текста есть практически всегда. «Узким местом» здесь может оказаться *субъективный фактор* — знание закономерностей речевого поведения, зависящее от жизненного и речевого опыта интерпретатора, а также умение и привычка сознательно, вдумчиво и критически подходить как к своей, так и к чужой речи. В выработке такого умения немаловажную роль должны сыграть курсы стилистики и интерпретации текста.

¹ Напомним, однако, что вывод, который делает интерпретатор, касается, строго говоря, не объективных условий общения, а их субъективного отражения в психике адресанта (об этом уже говорилось в § 11).

§ 15. ЕЩЕ О СОДЕРЖАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ. АНАЛИЗ ПРИМЕРА

Итак, мы знаем, что содержание стилистической информации — это различные сведения о параметрах ситуации общения. Но сами эти параметры представляют собой сложные, многокомпонентные образования. Так, например, параметр «адресант» включает в себя и статус, и роль, и постоянные личностные свойства субъекта речи, и цель, которую он преследует, и его эмоциональное состояние; деятельностная ситуация — это весь «левый контекст» общения, т. е. то, что произошло до речевого акта и привело к нему. Кроме того, параметры коммуникативной ситуации, как мы уже видели, тесно связаны между собой (например, роль адресанта и роль адресата, роль адресанта и канал связи, роль адресанта и деятельностная ситуация, деятельностная ситуация и цель...); это, в сущности, не взаимонезависимые переменные, а *разные грани единого целого*, теоретически и практически неисчерпаемого. Поэтому содержание стилистической информации не может быть сведено к ответам на стандартный набор вопросов, к совокупности каких-то раз навсегда установленных компонентов. Ведь в зависимости от того, что интерпретатору известно и что его интересует, коммуникативная ситуация может повернуться в стиле сообщения самыми разными своими сторонами.

Вот это мы и попытаемся показать на конкретных примерах. Кроме того, назрела необходимость выделить, наконец, из стиля в широком смысле термина то, что непосредственно составляет предмет лингвистической стилистики — стиль выражения. Нижеследующие примеры помогут нам разобраться, какая же часть стилистической информации приходится на долю последнего, а какая — на долю стиля содержания. Ясно, что к последовательному и систематическому анализу стиля читатель еще не готов; поэтому мы будем апеллировать в основном к читательской интуиции, к неосознанному речевому опыту, в отдельных случаях переводя наиболее характерные выражения на русский язык.

Manœuvres américaines au large de la Lybie.

PROVOCATION CALCULEE

Démonstration de force des chasseurs-bombardiers du «Coral Sea» et du «Saratoga». Les Etats-Unis alignent vingt navires de combat en Méditerranée.

Les deux porte-avions de la flotte américaine en Méditerranée, «Coral Sea» et «Saratoga», ont reçu l'ordre de faire route vers les côtes de la Lybie, afin que leurs appareils se livrent, jusqu'au 31 janvier, à des démonstrations de force contre ce pays. Le Pentagone affirme que ce sont «manœuvres de routine». L'agence «Associated press» parle d'un «petit avertissement» à

Tripoli. Le «Washington Post» rapporte que des responsables du département de la Défense ont déclaré aux journalistes: «Vous pourriez dire que cela fait partie de la guerre des nerfs».

Восприятие сообщения, приводимого в качестве примера в книге или статье, можно уподобить восприятию животного в клетке зоологического сада, на которой по какой-то причине нет таблички с надписью: и в том, и в другом случае самая первая реакция воспринимающего одна: что это за зверь? что это за текст?, т. е. нам хочется прежде всего идентифицировать применительно к животному — вид, а применительно к сообщению — жанр, к которому оно принадлежит. Это нужно нам для того, чтобы знать, как относиться к данному тексту: по каким правилам он построен, чего от него можно ждать и как, в соответствии с этими правилами и ожиданиями, его оценивать.

Жанр только что приведенного отрывка опознается сразу и без малейших затруднений: это газетная информация. Обосновать эту интуитивную оценку также нетрудно. Для газеты типична, во-первых, тематика отрывка: международные дела, отношения между США и Ливией; причем, что характерно именно для газеты (а не, скажем, журнала), текст сообщает о вполне конкретном событии — приказе, только что полученном американскими авианосцами. Еще более типичны для указанного жанра заголовки — их целых три: самый первый, общий, формулирующий тему; затем — главный, оценочный, выражающий отношение к излагаемым событиям, и, наконец, подзаголовок, резюмирующий эти события.

Так складывается первый — и часто избыточный — компонент стилистического содержания: информация о жанре. Какую же роль играет в этом стиль выражения — отбор собственно языковых средств для выражения данного содержания? Применительно к газетному тексту его роль относительно невелика: в приведенном отрывке типичным для этого жанра можно считать (с некоторой натяжкой) безглагольное предложение событийной семантики в подзаголовке, затем — употребление названия столицы государства (Tripoli) для обозначения правительства последнего и, наконец, употребление названий государственного органа (le Pentagone), агентства информации (Associated press) и газеты (Washington Post) в качестве субъектов глаголов речи (affirmer, parler, rapporter)¹.

Но, может быть, заголовки текста, охарактеризованные выше как наиболее типичные признаки жанра, тоже следует рассматривать как элементы плана выражения? Действительно, ведь тот факт, что какие-то элементы содержания, кратко резюмирующие весь текст, вынесены в его начало и предваряют более подробное изложение, характеризует не столько содержание,

сколько форму его подачи. Но с другой стороны — не меняется ли и само содержание от такой перегруппировки его элементов? Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку касается семиотического статуса композиции текста: принадлежит ли последняя плану выражения или плану содержания, характеризует стиль выражения или стиль содержания? Вопрос этот важен еще и потому, что определенный порядок изложения материала — очень существенная отличительная черта многих речевых жанров¹.

Мы, однако, не будем предлагать однозначного решения: как и стиль (см. выше, § 1), план выражения и план содержания суть научные абстракции, конструкты, и какой смысл мы будем вкладывать в эти термины, зависит в конечном счете от нас — лишь бы наша трактовка этих понятий была непротиворечивой и ясно сформулированной. Будем считать, что композиция развернутого сообщения занимает как бы промежуточное положение между планом выражения и планом содержания, и, следовательно, выбор на этом уровне лежит в той пограничной области, которая отделяет стиль выражения от стиля содержания и принадлежит одновременно тому и другому (см. выше, § 9).

Вернемся к примеру, приведенному выше. Стилистическая информация, которую он несет, не исчерпывается указанием на жанр — очень существенным ее компонентом является позиция адресанта по отношению к сообщаемым фактам и по отношению к адресату. Оценка сообщаемого факта, во-первых, выражена прямо и недвусмысленно в основном заголовке: действия США квалифицируются как преднамеренная провокация, из чего можно сделать четкий вывод о политической позиции адресанта (каковым здесь является не столько конкретный человек, писавший статью, сколько газета в целом). Сама эта оценка составляет часть эксплицитного содержания, но с точки зрения стиля существенным является факт ее прямого выражения, который свидетельствует о том, что газета «Юманите», откуда взят пример, видит свою задачу не только и не столько в информировании читателя, сколько в формировании общественного мнения (по французской терминологии, это не «journal d'information», а «journal d'opinion»). Так в способе выражения оценки сообщаемого факта проявляется позиция адресанта по отношению к адресату.

Но отношение адресанта к тому, о чем он пишет, проявляется и косвенно — подбором и группировкой фактов в самом тексте. После первого предложения, излагающего событие, сообщается, что говорят о нем американские источники, причем газета сталкивает утверждение Пентагона («manœuvres de routine») с сообщениями «Ассошиэйтед Пресс» и «Вашингтон пост», опровергающими его. Но это противопоставление выражено не прямо — в статье не говорится: «La thèse du Pentagone se trou-

¹ М. Н. Кожина рассматривает это явление как частный случай олицетворения — тенденции, вообще свойственной, по ее мнению, языку газеты: см.: Кожина М. Н. Цит. соч. — С. 192.

¹ См. об этом: Одинцов В. В. Стилистика текста. — М.: Наука, 1980.

ve démentie par les informations émanant des sources aussi autorisées que l'agence «Associated press» et le «Washington Post» или что-нибудь в этом роде; нет, высказывания американских источников (данные к тому же для большей достоверности в цитатной форме) просто приведены в непосредственном соседстве друг с другом — читатель сам должен сделать вывод, совпадающий с прямой оценкой события, данной в заголовке.

Таким образом, стилистическая информация, которую нам удалось извлечь из приведенного отрывка, сводится к следующим компонентам:

- 1) жанр сообщения, т. е. социальная роль, которую играет адресант, и роль, которую он отводит адресату;
- 2) отношение адресанта к сообщаемым фактам;
- 3) идеологическая позиция адресанта;
- 4) позиция адресанта по отношению к адресату.

Все эти компоненты тесно связаны между собой, причем ведущую роль играет первый. Это вполне естественно: всякая принятая субъектом роль обязательно предполагает определенное отношение к партнеру и к объектам ролевой деятельности. В нашем случае отношение адресанта к сообщаемым фактам и к адресату определяется не только тем, что он журналист вообще, автор международной информации, но и тем, что он сотрудник газеты «Юманите» — центрального органа Французской коммунистической партии. С этим тесно связана и его идеологическая позиция, непосредственно проявляющаяся в отношении к тому, о чем он пишет. Однако — и в этом специфика роли журналиста-сотрудника «presse d'opinion» — его позиция, его отношение к событиям принадлежат не столько ему как личности, сколько газете, которую он представляет.

§ 16. ПРИМЕР СООБЩЕНИЯ ДРУГОГО РЕЧЕВОГО ЖАНРА

— Tu as une sale gueule. Qu'est-ce qui ne va pas?

— Je... J'ai des emmerdements. C'est sans importance.

— C'est idiot. On est tout le temps à courir, à droite et à gauche, on n'a plus le temps de s'occuper des vieux copains. Si tu crevais, j'apprendrais ta mort un mois après, par hasard.

— Je ne crèverai pas de sitôt.

Очевидно, что этот отрывок воспроизводит непринужденный бытовой разговор между двумя достаточно близкими друг другу людьми, по всей вероятности, старыми товарищами (говоря оп n'a plus le temps de s'occuper des vieux copains, первый партнер, несомненно, имеет в виду своего собеседника). Очевидно также, что разговор этот лишен практической направленности, по крайней мере на данном этапе; можно предположить, что собеседники до этого давно не виделись и встретились случайно.

О том, что собеседники давно и близко знакомы друг с другом, свидетельствует весь строй их разговора, и в первую

очередь содержание некоторых реплик: « Tu as une sale gueule» и в особенности «Si tu crevais...» — такое можно сказать либо заведомо низшему по социальному рангу (но слова «vieux copains» исключают такое толкование), либо абсолютно своему человеку, в отношении которого можно быть уверенным, что он не обидится. Такая же непринужденность характеризует стиль выражения: собеседники как будто нарочно выбирают грубые слова: sale gueule, а не, скажем, mauvaise mine; emmerdements, а не ennuis; crever, а не mourir. По-русски этот диалог звучал бы приблизительно так:

— Выглядишь ты фигово. В чем дело-то?

— Да так, неприятности... В общем, ничего особенного.

— Ерунда какая-то получается! Крутишься, бегаешь, высунув язык — некогда даже вспомнить о старых товарищах. Если ты загнешься, я об этом узнаю через месяц, случайно.

— Ну, я еще не собираюсь помирать.

Отношения между собеседниками характеризуются еще двумя моментами:

1) несмотря на грубость своих слов, первый явно проявляет заботу о втором; он даже как будто извиняется за то, что не пытался увидеться с ним;

2) если по социальному рангу партнеры, видимо, равны, то психологический статус первого выше: по крайней мере в этом разговоре он выступает как лидер — инициатива принадлежит ему;

3) отвечая на вопрос первого, второй на секунду запинаясь: Je... J'ai des emmerdements; можно предположить, что в первый момент он хотел сказать что-то другое, может быть, более конкретно ответить на заданный вопрос, но передумал, решил отделаться общей, мало что говорящей формулировкой; если это так, то в отношениях между ними, видимо, не все гладко, есть какая-то отчужденность.

Кто же эти люди по своему социальному статусу, к какому кругу они принадлежат? Как будет показано ниже, в главе VIII, такой стиль общения имеет двойное значение: с одной стороны, он может характеризовать людей, не обладающих «хорошими манерами» и не владеющих литературным языком, т. е. принадлежащих к малообразованным слоям общества, для которых эта манера выражаться обычна и общеупотребительна. С другой стороны, сходное речевое поведение достаточно типично и для образованных людей (особенно молодых) в общении с членами своей микрогруппы; оно символизирует социально-психологическую общность, отношение к партнеру как к «своему», а в ряде случаев демонстрирует и сознательную установку на нарочитую простоту и даже грубость. С кем же мы имеем дело в приведенном отрывке — с рабочими, говорящими так, как они говорят обычно, или с интеллигентами, играющими в «мужественную простоту», — об этом трудно судить, не располагая дополнительными сведениями о коммуникативной ситуации.

Эти сведения автор сознательно утаил от читателя, чтобы еще раз показать, как стилистическая информация зависит от того, что нам уже известно о ситуации общения. Приведенный диалог заимствован (с небольшими сокращениями¹) из романа Ж.-П. Сартра «Возраст рассудка». Собеседники (персонажи романа) — сравнительно молодые (тридцать с небольшим) люди, в прошлом близкие друзья. Первый, Брюне, насколько можно судить по тексту произведения, — выходец из крестьянской семьи, получивший образование, в момент действия он активист ФКП. Второй, Матьё, главный герой романа — типичный интеллигент средней руки, преподаватель философии в лицее. Они встретились случайно, в период, когда Матьё переживает острый душевный кризис.

Как только мы вводим эти сведения, многое в тексте проясняется. Становится ясно, например, что стиль их речевого поведения отражает в первую очередь отношения между партнерами по общению, их близость (теперь уже былую), а не их социальное происхождение и культурный уровень, — тот же Брюне в иных ситуациях может говорить вполне интеллигентно. Существенно здесь и то, что они друзья с юношеских лет, а такой стиль общения часто сохраняется по традиции, идущей со времен молодости, — ведь подавляющее большинство молодых людей студенческого возраста разговаривают так или примерно так в своем кругу.

Но речевой манере Брюне можно приписать и определенный политический смысл: для коммунистов той поры (конец 30-х годов) — по крайней мере, если судить об этом по многим произведениям французской литературы, характерно несколько настороженное отношение не только к буржуазной интеллигенции, но и к интеллигентности вообще; сам Брюне, хотя он образованный человек и по своему социальному положению не является рабочим, к интеллигентам себя отнюдь не причисляет («Vous êtes tous pareils, vous autres les intellectuels», — говорит он Матьё при следующей встрече). Следовательно, подчеркнутую «простонародность» его речи, особенно в разговоре с Матьё, можно истолковать также как осознанную или неосознанную попытку отгородиться от этой «социальной прослойки», с которой он все-таки связан хотя бы образованием.

С учетом сведений о собеседниках становится понятным и то, что в их общении Матьё играет как бы подчиненную роль: он запутался, он понимает, что путь интеллигента-индивидуалиста, который он избрал, завел его в тупик, тогда как Брюне полон внутренней силы и убежденности в правоте своего дела. Получает подтверждение и то, что было сказано выше по поводу запинки Матьё во второй реплике диалога: ему стыдно признаться Брюне в том,

¹ Из текста были исключены авторские ремарки типа «Brunet lui posa la main sur l'épaule.»

что его гнетет¹, потому что его непосредственная забота носит сугубо личный и достаточно тривиальный характер. Словом, из этого отрывка диалога, зная хотя бы левый контекст романа, можно сделать вывод, что ему действительно плохо.

На этом можно остановиться, если рассматривать этот текст только как бытовой диалог — общение между двумя как бы реальными людьми, о которых мы в силу каких-то причин располагаем определенными сведениями. Но можно пойти дальше — рассмотреть приведенный кусок во всей полноте его содержания, включая, естественно, и коннотативную (стилистическую) информацию, которую он несет, именно как *отрывок из романа* — сложного речевого действия, субъектом которого является автор, Ж.-П. Сартр, а адресатом — читатели, в том числе и мы. И здесь мы должны себя спросить, что значит, что Сартр изображает таких героев и изображает их так, а не иначе, т. е. постараться выявить *коннотации коннотаций*. В самом деле, ведь при такой постановке вопроса все содержание речи и поведения героев, включая коннотативную информацию, оказывается планом выражения семиотической системы авторского текста — коннотативной системы более высокого порядка. Иначе говоря, художественный текст, в котором действуют и говорят какие-то персонажи, оказывается, если так можно выразиться, коннотативно значимым в квадрате. Но выявлением этих «коннотаций второй степени» лингвистическая стилистика заниматься, естественно, не может: это задача другой дисциплины — интерпретации текста.

Подведем некоторые итоги. Коннотативное содержание (стилистическая информация), которое нам удалось извлечь из приведенного отрывка, рассмотренного вне контекста романа, складывается в первую очередь из сведений о жанре общения и, следовательно, о ролях партнеров, а также об их взаимоотношениях. Введение дополнительных сведений о собеседниках не столько расширяет, сколько углубляет эту информацию, перенося центр тяжести с ролевых и статусных характеристик на личностные. В частности, только введя эти сведения, более или менее известные читателю романа из левого контекста, мы смогли сделать определенные выводы о моральном состоянии Матьё.

Как и в предыдущем примере, стиль содержания и стиль выражения тесно сотрудничают друг с другом — информация, которую они несут, фактически неразделима. Однако здесь стиль выражения играет более существенную роль, чем в отрывке из газетного сообщения; это объясняется значительно большей свободой выбора, которой обладают носители данных ролей по сравнению с журналистом. Тем не менее, если бы мы искусственно вычленили из суммарной коннотативной информации только ту ее часть, которую несет стиль выражения, то эта информация стала

¹ В дальнейшем мы увидим, что в неподготовленной заранее устной речи запинки говорящего вовсе необязательно свидетельствуют о его замешательстве, желании что-то скрыть и т. п. Но в литературном тексте они, как правило, значимы (см. об этом: Долинин К. А. Интерпретация текста. — С. 254—255).

бы намного беднее, абстрактнее. В частности, отвлекаясь от стиля содержания, мы не смогли бы установить, что Брюне проявляет заботу о товарище и, с другой стороны, играет ведущую роль если не в их отношениях вообще, то во всяком случае в данном разговоре.

Из этого следует, что при анализе стиля конкретного сообщения отвлекаться от содержания этого сообщения вряд ли полезно. Да и можно ли, говоря о каком-то тексте, в самом деле отвлечься от того, что он означает? Но в таком случае анализ стиля конкретного сообщения *не есть чисто лингвистическая задача*. К этому тезису мы еще вернемся.

§ 17. ДВА ТИПА РЕЧЕВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В предыдущих примерах мы констатировали в основном *солидарность* информации, поставляемой интерпретатору стилем содержания и стилем выражения. Действительно, такие актуальные компоненты коннотативного содержания речи, как роли коммуникантов и их личностные характеристики (постоянные свойства и сиюминутные состояния), регулярно проявляются в отборе и того, что говорит или пишет адресант, и того, какими языковыми средствами он это выражает. Имеется, однако, один аспект коннотативной информации, который реализуется преимущественно в стиле выражения. В одном рассказе Мопассана действующие лица разговаривают между собой так:

- Ousque tu vas, comme ça?
- J'vas t'au Havre vé Chambrelan.
- Qué Chambrelan?
- L'guérisseux, donc.
- Qué guérisseux?
- L'guérisseux qu'a guéri mon pé.
- Ton pé?
- Oui, mon pé, dans l'temps.
- Qué qu'il avait ton pé?
- Un vent dans l'dos, qui n'en pouvait pu r'muer pied ni gambe.
- Qué qui li a fait ton Chambrelan?
- Il y a manié l'dos comm'pou' fé du pain, avec les deux mains donc! Et ça y a passé en une couple d'heures!

Коренной француз, в особенности если он человек бывалый, по их речи без труда узнает в этих людях нормандских крестьян, подобно тому как мы легко узнаем выходцев из Южной России или, наоборот, северян — вологодцев или архангелогородцев, а также (хотя и с гораздо меньшей уверенностью) отличаем человека сельского от городского. При этом содержание речи либо вообще никак не помогает нам определить, с кем мы имеем дело (в принципе норманец или архангелогородец может говорить о чем угодно и что угодно), либо дает лишь косвенные, достаточ-

но расплывчатые указания на это. Так, в содержании приведенного диалога нет ничего специфически нормандского (за исключением географического названия) и почти ничего крестьянского; ясно лишь, что собеседники — люди малообразованные. Информация о том, откуда происходит адресант и кто он по своему социальному статусу (в особенности первая), основывается прежде всего на *особенностях выражения* — тех свойствах его речи, которые можно расценить как показатели того или иного территориального или социального диалекта.

Понятие «диалект» определяется в лингвистике как «разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью»¹. Использование территориального диалекта (или хотя бы каких-то его элементов) характеризует адресанта как уроженца определенного географического района, а социального диалекта — как носителя определенного социального статуса.

В отличие от признаков роли и прочих параметров коммуникативной ситуации, диалектные черты в речи данного носителя языка, как правило, постоянны и не поддаются контролю с его стороны: мопассановские крестьяне говорят так, как они говорят, по той причине, что для них это если и не единственный, то, во всяком случае, самый обычный и естественный способ выражения.

Свойства речи субъекта, отражающие его происхождение, соответствуют тому, что в современной социолингвистике именуется *стратификационной* вариативностью языка, тогда как признаки роли, отношения адресанта к партнеру и к предмету речи, равно как и характеристики сообщения, связанные с деятельностной ситуацией и предметно-ситуативным фоном, основываются на так называемой *ситуативной* вариативности языка и речи. «Если языковыми коррелятами стратификационной вариативности являются те языковые различия, которые обнаруживают представители различных социальных слоев и социальных групп, то ситуативная вариативность находит свое выражение в дифференцированном использовании языка в зависимости от социальной ситуации»². Иначе говоря, ситуативная вариативность обнаруживается в речи *одного и того же* человека, попадающего в разные ситуации общения, тогда как стратификационная (диалектная) отличает *одних людей от других*.

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — С. 131.

² Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. — М.: Наука, 1983. — С. 18. А. Д. Швейцер не включает в понятие стратификационной вариативности различия между территориальными диалектами; однако в указанном отношении территориально обусловленные свойства речи индивида вполне подобны тем, которые отражают его социальное происхождение, в силу чего стратификационную вариативность можно также назвать диалектной, имея в виду как социальную, так и территориальную ее обусловленность.

Если несколько расширить эти понятия и приложить разграничение между стратификационной и ситуационной вариативностью не только к плану выражения, но к речевой деятельности в целом, можно наметить еще одно различие между той и другой: ситуативная вариативность обнаруживается и в плане выражения, и в плане содержания, тогда как стратификационная затрагивает преимущественно план выражения.

Однако, несмотря на постоянство их проявления и относительную независимость от ситуации, диалектные черты в речи кого-либо человека далеко не всегда поддаются однозначному истолкованию. Это объясняется, во-первых, тем, что в условиях активного распространения национального языка за счет местных диалектов последние находят прибежище в определенных слоях общества, как правило, малообразованных и социально малоподвижных, — территориальные диалекты превращаются в *территориально-социальные*.¹ Так, во Франции нормандские диалектные черты сохраняются в первую очередь в крестьянской среде; о том, что персонажи рассказа Мопассана — крестьяне, можно догадаться по тому, что они говорят на нормандском диалекте.

Еще важнее то, что в наше время непроходимой пропасти между стратификационной (диалектной) и ситуативной вариативностью нет. В современном мире, по крайней мере в развитых странах, роль стратификационной вариативности в речевой деятельности людей постоянно уменьшается: всеобщее образование и развитие средств массовой информации (в особенности радио и телевидения) приводят к превращению ее в вариативность ситуативную: формы, характерные для социальных и территориальных диалектов, перестают быть единственно возможными для их носителей и превращаются в варианты, сосуществующие в идиолекте носителя с общенародными и, в частности, литературными. Употребление того или другого варианта в речи становится результатом действительного выбора со стороны говорящего: в его официальной речи начинают преобладать литературные формы, а в повседневной, особенно в своем кругу, сохраняются диалектные.² Такое явление называется *диглоссией*.

Этот процесс затрагивает в первую очередь лексику, а в последнюю — фонетику: особенности произношения, восходящие к территориальным и (в меньшей степени) к социальным диалектам, оказываются наиболее стойкими. Французу, родившемуся и выросшему, скажем, в Провансе, бывает очень нелегко избавиться от специфического акцента; точно так же выходец из Харькова или Ростова-на-Дону, живущий в Ленинграде или в Москве, может до конца жизни сохранить придыхательное «г».

Элементы социальных (реже территориальных) диалектов

¹ См.: Швейцер А. Д. Цит. соч.— С. 133.

² См. об этом: Гамперц Дж. Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике.— М.: Прогресс, 1975.— Вып. VII: Социоллингвистика.— С. 188; Гамперц Дж. Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений. Там же.— С. 315—316; Швейцер А. Д. Цит. соч.— С. 197—201.

встречаются и в речи людей, которые к носителям данного диалекта не принадлежат. Так, они нередко возникают в речи носителя литературной нормы, когда он общается с носителем данного диалекта — «человеком из народа», равно как и «человек из народа», общаясь с интеллигентом, часто стремится говорить «культурно», т. е. следовать нормам литературной, а порой даже и книжной речи. В обоих случаях имеет место *приспособление к среде*¹, подстройка под ожидания партнера по общению или, точнее, под свое представление о том, какого речевого поведения ждет партнер².

Стирание граней между стратификационной и ситуативной вариативностью, а также распространенность речевого приспособления к среде приводят к тому, что вполне однозначно истолковать выбор казалось бы типично диалектной формы чаще всего оказывается невозможно: нередко одни и те же формы отражают оба типа вариативности (именно с этим мы столкнулись при анализе примера из Сартра). «Поэтому трудно однозначным образом истолковать данный сигнал сам по себе, например отличить небрежно говорящего комиссионера от тщательно говорящего водопроводчика»³, — замечает известный американский социоллингвист Уильям Лабов.

Так мы с другого конца подошли к уже сформулированному выводу: если считать, что основная задача стилистики — анализ стиля конкретных речевых сообщений на предмет выявления содержащейся в ней коннотативной информации, то исследователь просто *не имеет права игнорировать стиль содержания*. Следовательно, такая стилистика не может быть только лингвистической дисциплиной. Но в таком случае возможна ли вообще лингвистическая стилистика? И если да, то что же остается на ее долю? На этот вопрос надо, видимо, ответить так: на долю лингвистической стилистики остается прежде всего исследование *стилистических потенций* языка — собственно языковых предпосылок возникновения стиля выражения, тех *возможностей выбора*, которые данный язык предоставляет говорящему или пишущему. Заниматься же конкретными текстами, в частности литературными, извлекать из них всю полноту смысла и в первую очередь коннотативную информацию путем анализа как стиля выражения, так и стиля содержания — эту задачу надо возложить на другую дисциплину — интерпретацию текста, которая основывается на

¹ См.: Балли Ш. Цит. соч.— С. 256.

² См.: Основы теории речевой деятельности.— С. 307. Там же приводится показательный в этом отношении пример: «На обращенный к покойному вице-президенту АН СССР И. П. Бардину вопрос В. Г. Костомарова, как он говорит: километр или километр? — был получен такой ответ: «Когда как. На заседании президиума Академии — километр, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, километр, а то подумают, что зазнался Бардин».

³ Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике.— М.: Прогресс, 1975.— Вып. VIII: Социоллингвистика.— С. 153.

лингвистической стилистике, но в не меньшей степени на поэтике, эстетике и психологии.

Итак, наш разговор о стиле подошел к концу. Заканчивается он на первый взгляд парадоксально: выяснилось, что на протяжении пятидесяти с лишним страниц мы говорили о понятии, которое *не может* лечь в основу нашей дисциплины. Но разговор был тем не менее полезен: во-первых, выяснение того, чем не является искомая сущность,— дело очень нужное, особенно если вопрос был основательно запутан; во-вторых же, в результате этого разговора мы можем яснее представить себе, для чего служат те кирпичи — лингвистические предпосылки стиля, из которых складывается все здание, без которых коннотативное содержание речи было бы намного бедней.

§ 18. ИЗ ЧЕГО СКЛАДЫВАЕТСЯ ЗНАЧИМОСТЬ СТИЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ

Итак, наша очередная задача заключается в том, чтобы определить, что же может и должно являться исходным понятием лингвистической стилистики. Для этого необходимо перейти от понятия стиля, которое, как оказалось, не вмещается в рамки нашей дисциплины, к понятиям собственно лингвистическим. Отсюда вопрос, вынесенный в заглавие параграфа. Речь идет о том, чтобы попытаться понять, какие же свойства языковых единиц, отбор которых создает стиль выражения (о стиле содержания мы здесь уже не говорим), делают этот последний значимым свойством сообщения. Для решения этой задачи мы позволим себе заимствовать у Ю. С. Степанова красивый пример, приводимый им во «Французской стилистике» — французский анекдот, в котором «всего в трех фразах рассказывается, как передается распоряжение подать машину начальника:

— Avancez l'automobile du patron!	— Подайте автомобиль начальника!
— Sortez la voiture du chef!	— Выводите машину хозяина!
— Amenez la bagnole du singe!	— Давай мотор обезьяны! («Обезьяна» — ироническое обозначение хозяина в среде рабочих.)

Мы сразу видим,— продолжает Ю. С. Степанов,— что первую фразу произносит лицо респектабельное, стоящее высоко на социальной лестнице и преисполненное почтения к тому, кто стоит еще выше. Распоряжение подхватывает менее важный и более равнодушный к этому служащий. Третья фраза принадлежит рабочему, который смотрит без всякого почтения и на хозяина, и на его машину, и на самый приказ»¹.

¹ Степанов Ю. С. Французская стилистика.— С. 21.

И несколько дальше Ю. С. Степанов пишет: «...стилистика удачно сообщение позволяет передать очень экономным способом большое количество информации. Так, если не использовать стилистические возможности, то мысль из предыдущего примера — Давай мотор обезьяны — пришлось бы передать приблизительно так: Выводите машину хозяина! (Но мне-то дела нет ни до хозяина, ни до его машины, ни до приказа!)»¹.

Отдавая должное примеру и вполне соглашаясь с комментарием, добавим один существенный момент, которого, как нам кажется, недостает в толковании последней фразы: «Но мне-то дела нет ни до хозяина, ни до его машины, ни до этого приказа,— а вы свои парни» (отношение к адресату). Если при этом предположить, что фраза произнесена со специфическим корсиканским, пикардским, нормандским или каким-либо еще акцентом, то к толкованию надо добавить еще один пункт: говорящий — корсиканец (пикардиец, нормандец и т. д.).

Итак, три высказывания вполне идентичны по своему номинативному и эксплицитному коммуникативному содержанию (иллокуции) и при этом существенно различны с точки зрения коннотативной информации, которую они несут. Очевидно, что эти различия определяются только *стилем выражения* — тем, что одно и то же содержание передано в них *различными словами*, что и делает пример столь ценным для нас. Надо отметить, что примеры такого рода встречаются нечасто и, как правило, несут несколько искусственный характер — ведь изменение коммуникативной ситуации, о которой свидетельствует изменение стиля выражения, в принципе должно было бы повлечь за собой и изменение стиля содержания. Здесь же этого нет, и, более того, все три высказывания построены строго по одной синтаксической схеме: $V_{imper} S de S$. Следовательно, разница в стилистической информации, которую несет каждый из вариантов, возникает только за счет того, что синтаксические позиции модели заполнены разными лексемами: *avancer — sortir — amener; l'automobile — la voiture — la bagnole; le patron — le chef — le singe*. Из этого можно сделать вывод, что каждое из слов любой из этих «троек» несет хотя бы какую-то часть той стилистической информации, которую выражает содержащая его фраза, и по этому признаку противопоставляется своим синонимам из других фраз. Точнее говоря, факт наименования данного понятия именно данным словом несет какие-то сведения о коммуникативной ситуации или о том, как ее представляет себе адресант.

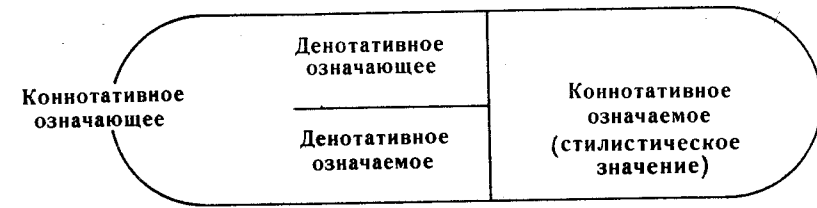
Из девяти лексически однозначных слов, составляющих три фразы примера, этим свойством в наибольшей степени обладают *le singe* — (в значении 'хозяин'), *la bagnole*, *amener* (в применении к машине и вообще к предмету, а не к лицу или животному) и *l'automobile*. Так, например, *le singe*, употребленное в этом

¹ Степанов Ю. С. Французская стилистика.— С. 23.

значении, сигнализирует, что: 1) субъект речи — вероятнее всего рабочий; 2) он относится к хозяину без особого почтения и без любви; 3) общение происходит в неофициальной обстановке, субъект рассматривает адресата как «своего». Относительно *la bagnole* и *amener* можно с уверенностью утверждать только последнее, а именно, что общение происходит в неофициальной обстановке, а *automobile* предполагает прямо противоположное — официальность, даже некоторую торжественность речи.

Свойство отдельно взятой языковой единицы нести какие-то элементы стилистического содержания речи при употреблении ее в определенном предметно-логическом значении или в определенной строевой функции и является, очевидно, тем понятием, которое должно лечь в основу всех построений лингвистической стилистики. Мы назовем это свойство *стилистическим значением языковой единицы* и определим его как *дополнительное интуитивно воспринимаемое сознание, реализующееся в речи при выборе данной единицы из ряда денотативно равнозначных (функционально эквивалентных) для выражения определенного предметно-понятийного содержания или выполнения определенной строевой функции*. Стилистическое значение несет те или иные элементы информации о ситуации общения — о принадлежности адресанта к определенной социальной или территориальной группе, о его отношении к адресату и к предмету сообщения, а также о широком и нечетко очерченном классе жанров, к которому может принадлежать сообщение (более определенную информацию о жанре несет стиль сообщения). Непременное условие возникновения стилистического значения нам уже известно (см. выше, § 8): это наличие у данной языковой единицы синонимов или вариантов, приводящее к возможности и необходимости выбора.

Для того чтобы понять, что представляет собой стилистическое значение с точки зрения семиотической теории, достаточно вспомнить сказанное в § 12 о семиотическом статусе стилистической информации в целом. Стилистическое значение языковой единицы есть значение *коннотативное*, элементарная клетка плана содержания той коннотативной системы, которая надстраивается над системой данного естественного языка. Именно поэтому оно может и должно лечь в основу лингвистической стилистики: с одной стороны, оно принадлежит пространству коннотаций, в котором располагается вся информация, выражаемая стилем, а с другой — тесно связано с естественным языком, поскольку его означаемым является знак естественного языка в единстве своего означаемого и означающего, т. е. знак, выступающий как результат выбора данного означаемого для номинации данного означаемого. Все это можно изобразить при помощи схемы, которая уже была использована в § 12. Мы представим ее здесь в несколько иной, как мы надеемся, более понятной редакции:

Тому, что мы назвали здесь стилистическим значением и определили как значение коннотативное, в более традиционной терминологии приблизительно соответствует понятие стилистической окраски, которая понимается как часть значения самого слова¹. По поводу слов, наиболее явно вызывающих представление о каких-то речевых ситуациях, — таких, как *le singe*, *la bagnole* и *amener* в приведенном выше примере, говорят, что они стилистически окрашены, и противопоставляют их словам стилистически не окрашенным, нейтральным — таким, как *la voiture*, *sortir*, *le chef*, имея в виду, что эти последние не приурочены ни к какой социальной группе и ни к какому жанру, а также не выражают отношения к адресату и предмету речи. Опираясь на изложенное выше, мы скажем несколько иначе: *все* слова, вообще *все единицы языка*, имеющие синонимы либо варианты, которые могут их заменить, обладают стилистическим значением; однако у некоторых, наиболее распространенных и употребительных практически в любых коммуникативных ситуациях, стилистическое значение равно нулю².

Таким образом, стилистическое значение языкового знака — это коннотативное означаемое, чьим означаемым выступает данный знак как единство денотативного означающего и денотативного означаемого.

§ 19. СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СТИЛЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Итак, стилистические значения и представляют собой элементарные единицы коннотативного содержания, которое несет стиль сообщения (здесь и далее под словом «стиль» имеется в виду стиль выражения). Отношение коннотативного содержа-

¹ См., например: *Хованская З. И.* Цит. соч.— С. 96—176. Уязвимость этой концепции проявляется в том, что, рассматривая стилистическую окраску как «неотъемлемую часть семантической структуры наименования», ее сторонники оказываются не в состоянии объяснить стилистическую значимость некоторых грамматических форм (типа «хочут»), синтаксических конструкций и производных вариантов (см. ниже, § 22).

² Ср.: *Скрывнев Ю. М.* Цит. соч.— С. 22—23, 37.

ния сообщения¹ к каждому из стилистических значений составляющих его единиц — это отношение целого к части. Сказанное справедливо как для развернутого сообщения, так и для отдельно взятого относительно автономного высказывания. В этом параграфе речь пойдет о соотношении коннотативного содержания высказывания и стилистических значений единиц, составляющих последнее.

Коннотативное содержание высказывания сложнее и богаче, чем образующие его стилистические значения, — эти последние, как мы видели, несут чаще всего лишь какие-то фрагменты информации, выражаемой стилем; разные стилистические значения могут придавать стилю высказывания разные характеристики. Так, мы можем утверждать, что человек, произносящий фразу *Amenez la baignole du singe*, — рабочий, только благодаря наличию слова *singe*; если бы было сказано, допустим, *Amenez la baignole du vieux*, то о принадлежности субъекта речи к той или иной социальной группе можно было бы только гадать.

Таким образом, стилистические значения языковых единиц, составляющих высказывание, могут быть и чаще всего бывают разными хотя бы по той причине, что сколько-нибудь развернутое высказывание всегда содержит единицы, обладающие нулевым стилистическим значением. Так, в весьма эмоциональном и фамильярном восклицании *Ah, les salauds! Ah, les vaches! Me faire ça à moi! (Quieneau)* фигурируют слова *faire* и *moi*, имеющие, кстати, стилистически окрашенные синонимы. Однако, как правило, эти стилистические значения бывают *непротиворечивыми*, способными сочетаться друг с другом, что легко объяснимо в свете тех психологических закономерностей, управляющих процессом речевого сообщения, которые мы кратко очертили в предыдущих параграфах. Так, например, искусственно сконструированная фраза *Avancez l'automobile du singe!* не удовлетворяет этому требованию — она содержит резкий стилистический контраст (*automobile* — *singe*) и тем самым как будто отражает внутренне противоречивую позицию субъекта². Очевидно, что подобное высказывание может быть порождено только с расчетом на *комический эффект*.

§ 20. ЯЗЫКОВЫЕ (ВНЕКОНТЕКСТНЫЕ) И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Вступая во взаимодействие, результатом которого является стилистическое содержание высказывания, стилистические значения влияют друг на друга. Подобно тому, как в лекси-

¹ Здесь и далее, говоря о коннотативном или стилистическом содержании сообщения, мы имеем в виду лишь ту его часть, которую несет стиль выражения.

² Несколько иначе — как «формальное проявление языковой некомпетентности отправителя речи» — трактует такие стилистические контрасты Ю. М. Скребнев (с. 138—139).

кологии различают словарные, инвариантные, лексические значения и значения контекстуальные, нам тоже придется различать инвариантные, языковые (в терминологии П. Гиро *valeurs stylistiques*) и речевые, контекстуальные стилистические значения (*effets stylistiques*)¹. Инвариантное (внеконтекстное) стилистическое значение *потенциально*; это значит, что мы формулируем его как своего рода прогноз — говоря, например, что слово *type* в значении *homme* принадлежит просторечию, мы имеем в виду, что, как *правило*, оно употребляется в этом лексическом значении людьми, не владеющими литературной нормой, и, использованное в речи, именно так характеризует говорящего. Однако в каких-то случаях наш прогноз может и не оправдаться — контекстуальное стилистическое значение этого слова может не совпадать с внеконтекстным. В примере Ю. С. Степанова контекстуальные стилистические значения употребленных слов непосредственно реализуют их языковые стилистические значения, *valeurs* и *effets* здесь практически совпадают. Однако в сконструированной нами фразе *Avancez l'automobile du singe!*, если рассматривать ее как ироническую, пародийную, языковые стилистические значения *avancez* и в особенности *automobile* переосмысливаются — эти слова выражают уже не официально-почтительное отношение к предмету речи, а насмешку над ним и, как сказано у Л. Н. Толстого, «над тем, кто бы и в самом деле так говорил».

В контексте стилистическое значение языковой единицы может также ослабляться либо, наоборот, усиливаться. Нарушение группового и (или) ролевого (жанрового) узуса, употребление языковой единицы в необычной ситуации или контексте усиливает ее стилистическое значение, придает этой единице особое свойство — экспрессивность (см. ниже, § 46). Наоборот, полное соответствие стиля речи тому, как принято говорить в данном кругу или в данной ситуации, ослабляет или даже полностью нейтрализует для адресата речи стилистические значения составляющих ее единиц, а с ними — и какие-то аспекты стиля. Это касается в первую очередь тех стилистических значений, которые порождаются стратификационной вариативностью. Как пишет П. Гиро, два марсельца, общаясь друг с другом, не осознают того, что разговаривают со специфическим акцентом, — они говорят «как все». Но для присутствующего при разговоре парижанина этот акцент придает их речи характерный марсельский колорит.

§ 21. СТИЛЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И СТИЛЬ ТЕКСТА

Как стилистическое содержание высказывания складывается из стилистических значений составляющих его единиц, так

¹ Аналогичное разграничение вводится Т. Г. Винокур (См.: *Винокур Т. Г. Цит. соч.* — С. 52, 57). О зависимости речевого стилистического значения от контекста см. также: *Арнольд И. В. Цит. соч.* — С. 8; *Скребнев Ю. М. Цит. соч.* — С. 136—138.

и стиль текста складывается из стилей составляющих его высказываний. Однако если стиль высказывания (фразы) чаще всего — в повседневной речевой практике во всяком случае — бывает един и непротиворечив, то стиль сколько-нибудь протяженного текста, в особенности художественного, представляет собой изменчивую, динамическую его характеристику¹. Это легко объяснимо: позиция субъекта речи в процессе порождения текста может меняться, если она не жестко задана ролью с начала и до конца.

Покажем это на примере сонета Бодлера «Recueillement».

Sois sage, ô ma Douleur, et tiens-toi plus
tranquille.

Tu réclamais le Soir; il descend; le voici:
Une atmosphère obscure enveloppe la ville,
Aux uns portant la paix, aux autres le souci.

Pendant que des mortels la multitude vile,
Sous le fouet du Plaisir, ce bourreau sans merci,
Va cueillir des remords dans la fête servile,
Ma Douleur, donne-moi la main; viens par ici,

Loin d'eux. Vois se pencher les défuntes Années,
Sur les balcons du ciel, en robes surannées;
Surgir du fond des eaux le Regret souriant;

Le Soleil moribond s'endormir sous une arche,
Et, comme un long linceul traînant à l'Orient,
Entends, ma chère, entends la douce Nuit qui

marche.

Мы не будем подробно разбирать это стихотворение — анализ поэтических текстов вообще не входит в нашу задачу. Но и без анализа внимательный читатель ощущает, что стиль второй строфы существенно отличается от стиля первой. В первой строфе и в четвертом стихе второй господствует естественная, разговорная, интимная интонация: Sois sage, ô ma Douleur, et tiens-toi plus tranquille — так обращаются к ребенку (sage здесь значит не «мудрый», а «послушный»; sois sage — «веди себя хорошо»). Во второй же строфе² — высокая обличительная патетика, воплощенная в сложной метафорической перифразе и подчеркнутая так называемой поэтической инверсией.

Используя нашу отнюдь не поэтическую терминологию, мы

¹ Об этом см. также: Степанов Ю. С. Французская стилистика. — § 12. — С. 27—30; Винокур Т. Г. Цит. соч. — С. 29; Петрищева Е. Ф. Стиль и стилистические средства // Стилистические исследования. — М.: Наука, 1972. — С. 122—124.

² В переводе П. Якубовича она звучит так:
Но пусть толпа невежд под плетью наслажденья,
На рабском празднике, в забвении тупом
Проводит эту ночь и копит угрызенья
На совести своей... Уйдем от них, уйдем!..

можем сказать: изменился предмет речи и в соответствии с этим изменилась позиция субъекта.

Конечно, такой анализ отнюдь не исчерпывает поэтического содержания текста, но при этом *и не противоречит ему*. Поэтический текст — тоже текст и подчиняется общим закономерностям, о которых сейчас идет речь. Гораздо опаснее, когда анализ поэтического текста игнорирует эти закономерности.

§ 22. КАКИЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА ОБЛАДАЮТ СТИЛИСТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ. ПРОБЛЕМА АВТОНОМИИ СТИЛИСТИКИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

На вопрос, вынесенный в заглавие этого параграфа, можно ответить очень коротко: все. Стилистику нельзя связывать только с лексикой¹; стилистическое значение может иметь единица любого уровня языка — слово, устойчивое словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция, произносительный вариант фонемы, интонационный рисунок фразы, — при условии, что есть хотя бы еще одна форма (означающее), узואльно способная выразить то же значение (означаемое). Так, например, во французском языке, как всем известно, некоторые переходные глаголы (aller, venir, sortir, paître, mourir и др.), а также все местоименные глаголы спрягаются с глаголом être; однако в живой народной речи можно встретить такие высказывания, как J'ai venu и Je m'ai sauvé. Такие формы образования составных времен этих глаголов расцениваются как *просторечные*. «Просторечность» — стилистическое значение.

Первостепенную важность имеют стилистические значения синтаксических конструкций — как мы увидим в дальнейшем, именно они составляют основу стиля. По выражению П. Гиро, «si le lexique est la chair du style, la structure de la phrase en est l'âme»².

В частности, именно синтаксис прежде всего отличает письменную речь от устной; особый, предельно осложненный синтаксис составляет важнейшую черту как научных, так и административно-деловых жанров (ср. приведенный выше отрывок из уголовного кодекса). В то же время специфический аффективный синтаксис является важнейшим средством выражения эмоций (см. главу VI).

В этом — основа автономии стилистики как лингвистической дисциплины. В самом деле, если бы стилистическими значениями обладали только лексические единицы, то стилистика языка оказалась бы излишней: стилистические значения слов и фразеологизмов можно было бы описывать в лексикологии как

¹ Ср.: Скребнев Ю. М. Цит. соч. — С. 9—10.

² Guiraud P. La stylistique. — P. 61.

дополнительные компоненты их предметно-логических значений (что, кстати, и делается во многих учебниках). Собственно говоря, и при существующем положении вещей стилистику можно было бы разбить, как это нередко предлагают¹, на четыре раздела: стилистику лексикологическую, фонетическую (фоностилистику), морфологическую, синтаксическую — и включить каждый из этих разделов в соответствующую дисциплину.

Однако, как справедливо указывает Ю. С. Степанов², при таком подходе мы лишили бы наш объект внутренне присущего ему единства: ведь стиль высказывания образуется в результате взаимодействия стилистических значений единиц *разного* уровня, а сами эти единицы — слова, грамматические формы, синтаксические конструкции, произносительные варианты — обладают либо одинаковыми, либо сходными, во всяком случае сопоставимыми стилистическими значениями. Мы только что убедились в том, что грамматическая форма (способ образования сложного времени глагола) может быть просторечной; но просторечным может быть и слово (например, *lambin* = *lent*; *singlé* = *fou*), и синтаксическая конструкция (*le type que j'en ai causé* = *l'homme dont j'ai parlé*), и произносительный вариант фонемы или целого слова ([*ptet*] = *peut-être*).

Иначе говоря, план содержания различных «стилистических знаков» един, и в этом единстве их плана содержания — основа единства и автономии стилистики.

Конечно, научный анализ всегда выделяет отдельные стороны и свойства вещей и явлений, расчленяет то, что в действительности неразрывно связано; поэтому стилистические ресурсы лексики, морфологии, синтаксиса, фонетики можно рассматривать и по отдельности, но *на единой основе*, не забывая, что все это разные стороны одного и того же — стилистической системы языка.

Кроме того, возможен и иной подход, более отвечающий природе объекта. О нем будет сказано ниже.

§ 23. ЗНАЧЕНИЕ СТИЛИСТИКИ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Роль, которую играет стиль речи в реальном общении людей, определяет и значение стилистики для преподавания иностранных языков в школе и в вузе. Стиль — неотъемлемое свойство речи, связанное с основными психологическими законами человеческого общения. Речь всегда социально и психологически детерминирована, всегда выполняет определенную социально-психологическую задачу и строится в соответствии с ней. Игнорировать этот факт, заставлять учащегося говорить «не своим голосом», использовать способы выражения, не соответ-

¹ См., например: *Пиотровский Р. Г.* Цит. соч. *Арнольд И. В.* Цит. соч.; *Guiraud P.* *La stylistique.*

² *Степанов Ю. С.* *Французская стилистика.* — С. 48—50 (§ 22).

вующие занимаемой им позиции и его личностным свойствам, — это значит совершать насилие над личностью, разрывать сложную цепь психологических и лингвистических зависимостей, связывающую речевое сообщение с личностными и социальными мотивами речевой деятельности, т. е. лишать иноязычную речь всякого интереса и смысла в глазах учащегося.

Современная методика преподавания устной речи оправданно отводит значительное место ситуативным упражнениям, ролевой игре. Этим она стремится сделать речь учащихся психологически мотивированной, добиться того, чтобы они говорили не только потому, что иначе не научишься, но и потому, что у них есть *потребность* что-то сказать. Однако для того чтобы учащийся мог играть роль естественно, увлеченно, эмоционально — как говорится, «по Станиславскому» — ему надо дать не только интересную роль, но и реальные языковые возможности ее сыграть, т. е. средства выражения, стилистически адекватные роли или, по крайней мере, не противоречащие ей.

Это необходимо не только и не столько для того, чтобы получить полноценную «речевую продукцию», сколько для того, чтобы создать оптимальные психологические условия для говорения на иностранном языке, обеспечить «вхождение в роль». Потому что, если учащийся заранее и не знает, как именно надо говорить на данном языке в данной ситуации, он тем не менее ощущает, как не надо говорить, если его собственный опыт или речевые образцы (тексты из учебника и т. п.) подсказывают ему стилистически неадекватные речевые средства. По той простой причине, что самые общие, глубинные законы стилистики таких европейских языков, как русский, французский, английский, немецкий, испанский и многие другие, в целом едины, учащийся, даже начинающий, остро чувствует стилистическую фальшь; она затормаживает его речевую деятельность, человек не получает от нее внутреннего удовлетворения, *не находит себя в своих словах*, — и играть становится неинтересно.

Не следует думать, что добиться речи, стилистически адекватной ролевой ситуации, можно только на продвинутых этапах обучения, — все зависит от того, какие роли предлагать и какой степени адекватности добиваться. Конечно, для того чтобы предложить учащемуся роль адвоката в суде или роль политического деятеля, дающего пресс-конференцию, его надо снабдить некоторым минимумом специальных терминов и речевых формул, что, видимо, возможно и целесообразно только на старших курсах языкового вуза. Однако те простейшие ситуативные роли, которые мы предлагаем учащимся на начальных ступенях обучения (прохожий, выясняющий, как попасть в такое-то место, покупатель в магазине, клиент в гостинице, участник международной студенческой встречи и т. п.), могут быть сыграны достаточно правдоподобно без введения какой бы то ни было специализированной лексики, — для этого надо только

вести некоторые общераспространенные модели разговорного синтаксиса и не стеснять свободу выражения в угоду ложно истолкованной лингвистической «правильности».

Вообще самое опасное нарушение стилистических законов в преподавании разговорной речи — это подмена конструкций устной эмоциональной речи конструкциями книжными, осознанные или неосознанные попытки ориентировать устную речь учащихся на образцы письменной речи. Необходимо отдавать себе отчет в том, что устный эмоциональный синтаксис — это не какая-то стилистическая «тонкость», которой можно научить «потом», когда так называемый нормативный (т. е. фактически письменный) синтаксис уже усвоен; иначе в лучшем случае учащийся научится говорить вопреки нашим усилиям, а в худшем — не научится вовсе.

Другой аспект обучения иностранным языкам, где стилистика может и должна оказать неоценимую услугу, — это понимание и анализ иноязычных текстов. Ясно, что стилистическая информация является неотъемлемой частью так называемой эстетической информации, смысла в целом, и адекватное восприятие художественного текста немыслимо, если человек не воспринимает стиля. И самое важное здесь состоит даже не в том, чтобы научить людей узнавать и «декодировать» стилистические приемы, характерные именно для художественной речи; главное — это научить воспринимать в тексте то, что основывается на законах стилистики общенародного языка, а именно коннотации речи повествователя и персонажей, возникающие в результате отбора средств выражения. В § 16, разбирая отрывок из романа Сартра «Возраст рассудка», мы видели, что коннотативное содержание романа включает в себя ответ на вопрос, что значит, что автор изображает таких героев, которые действуют и говорят так, а не иначе. Но чтобы ответить на него, надо сначала определить коннотации речи самих персонажей, как если бы они были живыми людьми, а не литературными героями, — с этой части работы мы и начали. Коннотативное содержание всякой речи складывается, как мы знаем, из коннотаций содержания и коннотаций выражения. Вторые без первых не полны, но и первые без вторых не достаточны для того, чтобы охарактеризовать коммуникативный акт и его участников; так, при анализе названного отрывка мы многое потеряли бы, если бы не сумели оценить то, как говорят персонажи, т. е. стиль выражения. В основе же стиля выражения лежат стилистические значения единиц языка — основной предмет лингвистической стилистики.

Одним словом, стилистика — это не роскошь, а лингвистическая дисциплина, изучающая важную и неотъемлемую часть системы языка, без знания которой нельзя и думать о том, чтобы успешно преподавать его.

Глава II

ЧЕТЫРЕ СТИЛИСТИКИ

§ 24. ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

В предыдущей главе мы обсудили проблемы стиля как общесемиотического понятия и пришли к выводу, что стилистическая (коннотативная) информация, которую несет любая речь, не может изучаться только лингвистическими методами, поскольку коннотативно значимым является отбор, осуществляемый адресантом не только на уровне выражения, но и на уровне содержания; последний же, по понятным причинам, в сферу интересов лингвистики не входит. Однако из всей проблематики, связанной с явлением коннотации, можно выделить некоторые собственно лингвистические ее аспекты и сформулировать понятия, которые имеют все основания лечь в основу уже не общей, а лингвистической стилистики. Такими понятиями являются:

— стиль выражения речевого сообщения, понимаемый как результат отбора определенных языковых средств для передачи некоторого предметно-логического содержания и отражающий те или иные компоненты коммуникативной ситуации: принадлежность адресанта к определенной территориальной и (или) социальной группе, роль, которую он играет в процессе общения, и роль, которую он отводит адресату (т. е. в совокупности жанр сообщения), личностные свойства адресанта и его отношение к предмету и адресату речи, а также используемый им канал связи;

— стилистическое (коннотативное) значение языковой единицы, противопоставляющееся стилистическим значениям семантически равнозначных единиц (синонимов) и несущее те или иные элементы коннотативной информации, выражаемой стилем; это общее понятие стилистического значения включает в себя:

а) инвариантное (внеконтекстное) стилистическое значение языковой единицы, характеризующее последнюю именно как единицу языка и имеющее потенциальный характер;

б) контекстуальное стилистическое значение, т. е. действительное (актуальное) стилистическое значение языковой единицы в каком-то речевом акте.